

10. 1950. 6247

И Ж О Р С К І Й.

М И С Т Е Р І Я .

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1835.

И Ж О Р С К І Й.

И Ж О Р С К И И,

1725 064
М И С Т Е Р І Я.

ПОСЫЛАНІЕ СЪЗДАНИ

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г ъ,

въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

1 8 3 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра. С. П. б. 10 Июня 1833.

Ценсоръ В. Семеновъ.

4-XIV A
17523

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если сочиненіе лишено внутренняго достоинства, самыя краснорѣчивыя предисловія не доставятъ ему благосклонности читателей. Однако же при попыткахъ, которыя въ какой нибудь словесности еще новы и противорѣчатъ общепринятымъ правиламъ или предразсудкамъ, нельзя осудить писателя, когда онъ постарается указать публикѣ ту точку зрѣнія, съ коей смотрѣлъ на предметъ свой. Вотъ почему и мы позволимъ себѣ поговорить о томъ, что всего болѣе покажется страннымъ въ сей I-й части нашей Мистеріи тѣмъ, которые знакомы съ романтическою драмою по одному, можетъ быть, Шекспиру и послѣдователямъ его, Шиллеру и Гете. Намъ Ижорскій созданы не по симъ образцамъ, а болѣе по примѣру безхитростныхъ аллегорическихъ игрищъ Ганса Сакса, Братій страстей Господнихъ (*Frères de la Passion*), Английскихъ Менестрелей, Нѣмецкихъ Майстерзенгеровъ и если угодно охот-

никамъ до именъ болѣе громкихъ, Кальдероновыхъ: *Sacramentales*. Объ этомъ-то именно и желали мы намѣкнуть, назвавъ поэму свою *Мистерією* и раздѣливъ ее не на пять, а на три дѣйствія или Хорнады, какъ обыкновенно Испанцы раздѣляютъ свои драматическія творенія.

Въ старинныхъ Мистеріяхъ, равно какъ и въ произведеніяхъ живописи XIII и XIV-го вѣковъ, не рѣдко случается, что глазамъ зрителей на одномъ и томъ же планѣ представляется двоякая или даже тройкая сцена, на прим. небо, земля и адъ. Слѣды сего обыкновенія еще находимъ въ извѣстномъ начеркѣ (*esquisse*) (*), кисти Рубенса представляющемъ Страшный Судъ и въ славномъ Рафаелевомъ Преображеніи. И мы подобную вольность позволили себѣ и, что всего хуже, — при самомъ началѣ т. е. въ 1-мъ явленіи нашей Мистеріи. Признаемся, мы тѣмъ хотѣли нѣсколько озадачить Гг. защитниковъ трехъ единствъ: чело-вѣчка, который до того могъ забыть главнѣйшіе сценическіе законы, безъ сомнѣнія они не удостоятъ классической критики, а пожавъ плечами, станутъ читать далѣе единственно для того, чтобы отыскивать новыя причины къ пожиманію плечами. Впрочемъ, чего же и ожидать порядочнаго отъ произведенія, въ которомъ дѣйствуютъ Квикиморы, Пишиморы, Русалки и проч.

Замѣтимъ однако же, для любителей Литературы Классической, что она оказала свое могущественное вліяніе и на насъ грѣшныхъ. Въ Аристофановыхъ хорахъ и даже въ монологахъ и діалогахъ дѣйствующихъ лицъ сго-

(*) Этого начерка существуютъ два экземпляра: одинъ въ большемъ видѣ въ Мюнхенской, прежде бывшей Дюссельдорфской, а другой уменьшенный въ Дрезденской галлерей.

Комедій много выходокъ въ которыхъ онъ прямо говорить публикѣ, въ которыхъ найдутся насмѣлки и надъ современными ему писателями и героямъ надъ самими собою и даже надъ Искусствомъ драматическимъ. За оныя выходки его весьма справедливо осуждалъ нѣкто Профессоръ Элоквенціи при Аѳинскомъ Университетѣ: «Онъ-де,» говорилъ сей престо-
 острый мужъ, достойный многихъ хвалъ, «онъ-де разрушаютъ сценическое очарованіе и напоминаютъ почтеннымъ Аѳинскимъ гражданамъ, присутствующимъ при лицедѣйствіяхъ, что передъ ними не Бакхусъ, не Демось, но облака и не лагушки, а Карпъ, Сидоръ, крашеный холстъ и Статисты. Въ противномъ же случаѣ Его Превосходительство Г. Архонтъ, Ихъ Высочородія Господа Пританы и прочіе точно были бы увѣрены, что видятъ самаго Бакхуса, самаго Демоса и проч. *probandum erat* и въ чемъ уновательно никто не сомнѣвается.» Мы не изъ числа невѣрующихъ. Но, какъ ужъ намъ вѣрно суждено было судьбою, собрать вкупъ и соединить всѣ ошибки и промахи нашихъ предшественниковъ, мы обрадовались сей погрѣшности невѣжи Аристофана и ея воспользовались.

Но оставимъ Г. Профессора Элоквенціи и его собратію; обратимся къ любезнымъ нашимъ читателямъ. Нынѣ при общемъ движеніи въ Литературахъ всѣхъ языковъ Европейскихъ, при движеніи, которое обнадеживаетъ всякаго, слѣдующаго мыслію за ходомъ вѣка своего, что большая народность, большая живость, большая соответственность современнымъ понятіямъ будутъ плодами онаго, нынѣ кажется можно было бы воскресить и Мистеріи родъ драматической Поэзіи, по нашему мнѣнію не заслуживающіи совершеннаго забвенія. Шекспиръ безъ сомнѣнія величайшій изъ романтиковъ; но Сервантесъ, Доне до

Вега, Кальдеронъ, Морето, самый Гансъ Саксъ, — мужи, которые имѣютъ неоспоримыя, великія права на тщательное изученіе Стихотворцевъ нашего поколѣнія. — Есть истины, или забытыя или слишкомъ мало еще оцененныя, истины, которыя весьма бы желательно представить въ разительномъ видѣ не только уму, но, такъ сказать, самымъ очамъ людей мыслящихъ; а сего достигнуть иначе нельзя, какъ посредствомъ формы драматической. Вотъ, чего желали первые сочинители Мистерій; вотъ къ чему стремились и мы при сочиненіи Ижорскаго. Одна главная мысль господствуетъ въ нашей драмѣ: эта мысль уже изложена въ сей первой части, а во второй будетъ развита еще болѣе. Недоумѣніе читателей на счетъ этой основной мысли — вотъ единственная критика, къ которой мы были бы чувствительны. Высказать здѣсь мысль сію было бы лишнимъ: ибо если сами читатели ее не отгадаютъ, мы трудъ свой должны считать неудавшимся.

Намъ остается еще отвѣчать на возраженіе, которое намъ вѣроятно сдѣлали бы критики другой школы, совершенно противной той, о коей выше намѣкали. «Цѣль Поэзіи сама Поэзія;» скажутъ они по словамъ Шлегеля. «И такъ, не значить ли унижать сіе высокое искусство, когда употребишь его средствомъ для доказательства какойнибудь отдѣльной, частной истины; когда, такъ сказать, разжалуешь Поэзію въ служанки Нравоученія?» — Безъ всякаго сомнѣнія. Но есть въ нравоученіи, какъ во всѣхъ другихъ наукахъ, истины поэтическія. Почему же не разрабатывать, не развить ихъ поэтически? Почему же не создать изъ нихъ новаго, поэтическаго міра? Во всей вселенной — гармонія: нѣтъ предмета отвлеченнаго, которому бы не соответствовалъ чувственный; нѣтъ духа, который

бы не отражался въ какомъ нибудь тѣлѣ; нѣтъ мысли, которая бы не проявлялась въ образѣ Поэтическомъ. Найти сей образъ не значитъ покорить его мысли; представить его зрителямъ такъ, чтобы они уразумѣли, чему онъ соответствуетъ, не значитъ употребить его единственно средствомъ къ достиженію цѣли испoэтической. Его увидишь только тогда, когда онъ будетъ служить однимъ украшеніемъ, одною одеждою къ прикрытію наготы сухой истины, какъ на прим. въ Поэзіи Дидактической. Сдѣлаемъ болѣе: безъ главной, основной мысли (идеи), не соединяющей, все связывающей, все оживляющей, Поэма, какая бы ни была, — тѣло безъ души, котораго удѣлъ безобразіе и разрушеніе.

Объяснившись въпервыхъ на счетъ разряда Поэтическихъ произведеній, къ которому желаемъ, чтобы причислили нашего Ижорскаго и во вторыхъ на счетъ того, къ чему стремились мы въ сей Мистеріи, неизлишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о способѣ изложенія, коего держались мы и о характерѣ употребленныхъ нами существъ мнѳологическихъ.

По предначертанію нашему поступки самаго героя и окружающихъ его лицъ, равно и все случающееся съ нимъ, служатъ единственно къ раскрытію его наклонностей. По сему самому большая часть сихъ дѣйствій и событій происходитъ за сценою; зрителямъ же гораздо чаще представляются перемѣны, произведенныя ими въ Ижорскомъ, нежели сами онъ. Мистерія *Ижорскій* въ этомъ отношеніи составляетъ совершенно противоположный помыслъ Шекспировымъ Комедіямъ Испанцевъ (*Comedias de cara Yespada*): тамъ по происшествіямъ догадываешься о чувствахъ лицъ дѣйствующихъ, здѣсь чувства Ижорскаго поясняютъ

пронесенствъ и пророчать его дѣйствія. По лирическому духу, преобладающему, какъ въ мистеріяхъ, такъ и вообще во всѣхъ другихъ родахъ драматической поэзіи, близкихъ къ первоначальнымъ стихіямъ оной, мы по необходимости и въ своей драмѣ, составленной по образцу ихъ, должны были отказаться отъ разительныхъ дѣйствій и событій передъ самыми глазами зрителей.

Мифологическихъ существъ составляющихъ въ нашей драмѣ чудесное или, по словамъ Вальтера Скотта, *сольшебное* (*) много; но мы воспользовавшись ими, хотѣли указать на богатство, которое Поэту представляетъ Романтическая Мифологія вообще, а Русская въ особенности. Въ драмѣ, которой дѣйствіе происходитъ въ XIX столѣтіи, мы употребили ихъ не безъ ироническаго намѣренія. Какое это намѣреніе, надѣмся, легко увидить всякій, наблюдавшій съ нѣкоторымъ вниманіемъ въкъ нашъ. Бѣльшій сѣхъ Мифологическихъ пружинъ мы старались присвоить нѣчто народное, Русское. Такимъ же образомъ мы поступили и съ ямщикомъ, колдуномъ и семействомъ крестьянина Богдана. Лица высшаго круга — Европейцы: однако же и въ ихъ образѣ мыслей, поступкахъ и словахъ найдутся отбѣнки, обозначающіе Русскій народный характеръ, степень быта гражданскаго, образованности и просвѣщенія, на которой находимся, привычекъ и причудъ, намъ преимущественно свойственныхъ.

Спѣшимъ окончить наше предисловіе, дабы оно не показалось слишкомъ длиннымъ и важнымъ для произведенія столь ничтожнаго, какимъ Ижорскій нашъ многими покажется.

(*) См. Сынъ Отечества на 1829 No.

И Ж О Р С К І Й.

Ч А С Т Ь І.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Левъ Ижорскій, богатый Русскій дворянинъ.

Князь Пронскій.

Княжна Лидія, дочь его.

Графиня Шепетилова, двоюродная сестра.

Вяпреневъ,

Жеманскій,

Восновъ.

} Молодые люди, служащіе въ Петербургѣ.

Богданъ.

Жена его.

Оома, сѣсть ихъ.

Марса, дочь.

Вавила.

Ямщикъ.

Духи.

Бука.

Кикимора.

Шинимора.

Сова.

Зивчъ.

Волкъ, оборотень.

Меривецъ.

Блудящіе огни.

Русалки.

Лѣніе.

Домовыя.

Сильфы.

Гномы.

Овдичи.

Саламандры.

} Крестьяне Льва Петровича Ижорскаго.

Дѣйствіе происходитъ то въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ,
то въ Брянскихъ лѣсахъ въ помѣстьяхъ Ижорскаго.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Царско-Сельская дорога, солнце заходитъ: Ижорскій скачуть на перекладныхъ.)

Ижорскій.

На водку, братъ, рублевикъ! потоний!

Таскаться, право, надоело.

Я мѣжъ.

Таскаться? наше ли съ тобою, баринъ, дѣло?

Взгляни-ко, примѣчай:

Скапилось солнышко, а не успунишь ночи,

Какъ разъ тебѣ заблещетъ Питеръ въ очи!

Соколики, эй! дернемъ, эй!

Эй, варвары, смѣйте!

Не выдай, сивка! пожалей!

Боишься? ну! дружнѣе!

Чтобъ волкъ себя! дворянчикъ ны, нѣ конь!

Вонъ, видишь, баринъ? охъ колесъ огонь!

По вѣтѣ, по шремъ — ахъ, коренной не прохъ!

Издадека ли ѣдешь ваша милость?

И ж о р с к і й.

Издадека.

(Ямщикъ запѣваетъ пѣсню,
Ижорскій про себя.)

На родину спешу,
Родимымъ воздухомъ дышу:
Такъ, радость чувствую, но вмѣстѣ и унылость.
Новѣрю ли, чтобъ здѣсь въ землѣ родной
Столкнулось счастье со мной?
Игралище спрасней, людей и рока,
Я счастья въ спранахъ роскошнаго Востока
Искалъ, въ Аравіи, въ Иранѣ золотомъ,
Подъ небомъ Индіи чудесной,
Въ блестящихъ городахъ, подъ подвижнымъ шашромъ;
Но не встрѣчалъ нигдѣ, скинаясь въ поднебесной.
Плчтъмъ моя не исполнялась грудь;
Напрасень былъ мой долгій купъ.
(Задумывается; между тѣмъ являющіеся духи,
исчезнвшіе Ижорскому.)

Одинъ духъ.

Закапилось солнце,
Глядь, — стало темно:
Человѣкъ засыпаетъ;
Нашъ часъ настаетъ.

Другіе.

Взвѣйтесь, взвѣйтесь, легкіе друти!
Въ небѣ зажглась за звездою звезда;
Мчнитесь въ нхъ блескѣ пуда и сюда!
Филинь и сычъ наши слуги,
Снѣгіе свѣтятъ изъ блата огни
Мчнитесь: непопыри намъ кони!

И ж о р с к і й.

Ямщикъ, что такъ жужжитъ надъ нами?

И м щ и к ъ .

Кружатся комары роями;
Дель жаркій былъ, знаешь, будешь новый зной.
Но городъ видишь ли передъ собой?

И ж о р с к і й (про себя.)

Вздыхается Петрополь изъ тумана,
Весь мраченъ, лишь одной бойницы осприе,
Горишь средь темноты, похоже на коня
Чудовищнаго великана.

Д у х и .

Одинъ.

На сизой спрекозѣ верхомъ
Летитъ Кикимора забавный;
Онъ выпясть, онъ наездникъ славный:
Цвѣтъ колокольчика шлемъ,
Броня ему — кольчуга рака,
А плащъ — лентомъ багровый мака;
Понитъ онъ палицу вишневъ,
Толкается подъ бокъ забіяку,
Съ женою мужа вводитъ въ драку;
Каплетъ, кружася кубаремъ,
Сшибаетъ съ ногъ дѣвицъ сибирскихъ;
Рогами краситъ лобъ ревнивыхъ:
Его блаженство шумъ и громъ.

Х о р ъ .

Скорѣ, скорѣ! навстрѣчу ему!
Поклонимся, бранцы, вѣждо своему!
(Частъ летитъ навстрѣчу Кикиморѣ;
другая оспается.)

1 д у х ъ .

Ужъ луга и нивы пуспы,
Пахарь въ хижинѣ хранитъ . . .

Братцы, что за важный видъ!
На большомъ листѣ какуши
Вонъ Шинимора лешилъ:
На ковръ на самолётъ
Хищный козюродъ сидитъ;
Полночь близко; онъ къ работѣ,
Къ чернымъ радостямъ спешитъ.

2 д у х ъ .

Крадя науковъ добычу,
Онъ высасываетъ мухъ;
Розгой на красу дѣвичью
Воружаетъ злыхъ спарухъ:
Въ садъ ли лазитъ кто рѣшившя
Къ милой въ ночь черезъ заборъ?
Вдругъ Шинимора примчися,
Свиснешь, весь поднимешь дворъ,
Всѣхъ напустишь на дѣшину,
Дворишку подася дубину,
Псовъ разбудитъ; — спукъ и вой!
И съ разодранной шинелью
И съ разбитой головой,
Пусть къ опасному веселью,
Обширая кровь и полъ,
Спращивный вицльзъ проклянетъ!

Х о р ъ .

Товарищи, други! уйдемъ, утѣчемъ;
Спрашитесь: найдемъ доносчика въ немъ.
(Разлезающа.)

П ж о р с к і й .

Семь верстъ еще: какъ скучно!
Быль, кажется, грозъ: чертѣтъ небо; душно.
Спой пѣсню, братъ: авось развеселюсь.

Я м щ и к ъ .

Пѣшь радъ бы: падохешъ, боюсь . . . (поеть.)

Какъ изъ за моря, изъ за синяго
Добрый молодецъ возвращается
Въ свою спороку, милу родину,
Много молодцу воображается,
Про себя онъ самъ усмѣхася:
» Опицу, машери поклонюся,
» Съ красной дѣвицей поцѣлюся,
» Золошымъ кольцемъ размѣняюся,
» Золошымъ вѣнцемъ обвѣнчаюся
» Съ моей суженой, съ моей ряженой,
» Съ моей вѣрною полюбовницей.»

* * *

Какъ изъ за моря, изъ за синяго
Воропился свѣтъ добрый молодецъ:
Его бабюшка во сырой землѣ;
Родна мамушка на чистомъ столѣ;
Красна дѣвица обвѣнчалася,
Друга вѣрнаго не дождалася

И ж о р с к і й (прерываетъ его.)

А поварищи, а разгульные
Съ добрымъ молодцемъ повспрѣчались
Безпаламному посмѣялися.»

Не такъ ли, братъ — ямщикъ?

Я м щ и к ъ .

Такъ точно, Ваше Благородье:

Поюшъ, признашся, такъ у насъ въ проспонародѣ.

И ж о р с к і й .

Я? а не жду опца: давно ужъ мой спарикъ

Покоился за Охной на кладбищѣ.

А мать, рода моя,
 Терзаясь и сменя,
 Отъ сей земли ушла въ безсѣмное жилище.
 Я матери своей, прилпелъ, не знавалъ,
 На родитъ любовью не сгоралъ;
 Съ пѣвѣсной мы не разсѣивались
 Не оигадаю я,
 Чему веселѣе друзья,
 Со мной бы встрѣиись, посмѣились.

И м п и к т ъ (начинаеть другую пѣсню
 въ подголоса.)

» Какъ молодчика заманила

Баба воданая:

Удалаго попомнила

Глубина рѣчная. «

(Бѣсѣть по лошадамъ.)

Вотъ я шебя, красовку!

Съ горки на горку, — баринъ даситъ на водку.

(Бѣсѣть по лошадамъ.)

К и к и м о р а (въ описанномъ выише видѣ.)

Шурлуйте, дѣши темноты!

Взмелайте выше тучъ, луною посребренныхъ,

Плывите даже ландишей смиренныхъ:

Вскружилась голова отъ вашей суеиы;

Нѣтъ, такъ я не скучала еще ни разу!

Какую бы мнѣ соиворишь проказу?

Кого бы нарядишь въ шуиы?

Да! воля несется кпо-шо;

Меня беретъ охота

Телегу опрокинуиъ въ ровъ.

(Бѣсѣтъ надъ пелетой и пугаетъ
 лошадей хлопучкой.)

Ш и н и м о р а.

Кикимора, не шрогай вздоковъ.

К и к и м о р а.

Ты унимаешь другихъ всегда гоштовъ,
Да не трудись! копей бѣшу хлопункой,
Играю собственною, а не швоей игрушкой.

Ш и ш и м о р а.

Не шронь! онъ (указывая на Изверскаго)
мнѣ принадлежитъ:

Туранскій Дивъ, Арсланъ мнѣ шлеть его въ подарокъ.

К и к и м о р а.

Ахъ, братецъ! мерянь коренной пыхнись.

Послушай: день былъ жарокъ;
Дай ихъ помышь, дай въ лужу окунушь.

Ш и ш и м о р а.

Не смѣй на нихъ ниже дохнуть;

Прочь! подниму тревогу;
Вѣдь Буку позову: онъ, — знаешь ли? шобъ
(про себя)

Конечно, можно бы . . . не шдѣ! боюсь; себя . . .

Пусть кончитъ мой мудрецъ дорогу:
Какъ разыграюсь, руку или ногу
Ему сломяю; а онъ мнѣ нуженъ цѣль.

Къ шому же шмонъ мнѣ поспрѣлъ,
Кикимора — нѣтъ мочи! — падобѣль.
(громко)

Прочь разсержуся не на шушку!

К и к и м о р а.

Мы пошохочемъ лишнюю минушку:
Сердись!

Ш и ш и м о р а.

Смѣяться надо мною, плушь!

К и к и м о р а .

А! ты ругаться смѣешь, шунь?

Ну, не во гнѣвъ: приму шебя, брашъ, въ руки;
За чунь, за чунь!

Ш и ш и м о р а (защищаясь)

Кикимора, не будь же глупъ!

Кикимора, и не бойшися Буки?

Ай! право, Бука близко! ай!

Ай, Бука! ай, ай! Бука, помогай!

(Улетаютъ оба.)

(Ижорскій между тѣмъ подыхаетъ къ заспавъ.)

Я м щ и к ъ

Эй, баринъ! спишь? Заспав! прилѣтѣли!

Т-ту пронаспь! вѣкъ мои лошадки не робѣли,

А нынче что-то да не макъ;

Мешались въ створону, хранили;

Да, благо, я не изъ зѣвакъ;

Не то, мы въ дмѣ бы сидѣли.

Сѣмъ, колокольчикъ оповѣжу! слѣзай,

Проспись-ко, подорожную подай;

Мы въ Пиперь, Сударь!

И ж о р с к і й (подаетъ часовому подорожную)

Я здѣсь, родимый край!

Здѣсь сынъ пивой: изъ степей, изъ обитающихъ дальшихъ

Въ родныя сѣны возвращень;

Для радостныхъ ли дней или для дней печальныхъ?

Ошѣвствуй, пыльный градъ! Но въ безопытный сонъ

Нѣмой, безчисленный Петрополь погружёнъ :

Ни гласа, ни привѣта!

Вся область спитъ, шуманами одѣта . . .

Туманы! мгла! — Увы! гдѣ полуденный рай?

Ты далеко за мной, Иранъ, опчизна свѣта!

У Н Т Е Р Ъ - О ф и ц е р њ

(подходить къ постелѣ)

Гдѣ остано­ви­лись?

И ж о р с к і й .

У Д е м у н а .

У Н Т Е Р Ъ - О ф и ц е р њ .

С н у п а й !

(Шлагбаумъ поднимаютъ; Ижорскій въезжаетъ въ городъ; приспавъ
Кикимора.)

К и к и м о р а .

Еще бы ихъ заспать! да чай,

Они ужъ въехали въ заспаву

Ну, все равно! ужъ я пошпилился на славу.

Какъ я его шаскалъ!

Ужъ какъ поколотилъ исправно!

Какъ онъ кувыркался забавно!

Да какъ я хохоталъ!

Чтожъ мы теперь начнемъ? Изъ слуховыхъ окошекъ,

Дай, вызову влюбленныхъ кошекъ;

Коткомъ млучить спаву по спянкѣ.

Быть празднымъ не люблю: возьмешь лоска и скука

(Испугавшись.)

Чу! поле вздрогнуло онъ попопла и спуга!

(Смотритъ въ даль.)

При выглянувшей изъ-за пучъ луиъ,

Мнѣ чудился, на соловомъ конѣ

Тамъ грозно мчился — не ужели Бука?

Онъ! онъ! — Шинимора, не въ добрый же ты часъ

Сказать рѣшился правду въ первый разъ!

Что, ежели тебя нашли въ канавѣ?

Воображаю, какъ расплакался пролазь,

Какъ началъ доносить, наущивать на насъ!

Бышь, кажется, допросу, бышь расправъ.

Д У Х И (невидимые).

О д н и

(изъ дали съ одной стороны.)

Содрогались косцы въ заросшихъ гробахъ:
Къ намъ Бука несется въ гусиныхъ облакахъ;
Дохнешь ли перуномъ — завяла права;
Просвищешь ли бурей — валялися дрова.

Д р у г и е

(съ другой стороны ближе.)

Ау, ау, Кикимора!
Зовуть тебя, тебя зовутъ!
Спиши, лежи: зовутъ на судъ.
Ау, ау, Кикимора!
Явился, оправдай себя:
Кикимора, зовутъ тебя!

Кикимора (передразнивая ихъ.)

Ау! Кикимора! зовутъ!

Зовутъ, не устаюшъ:

Кричашъ, аужаютъ, — ну, словно дѣвки,

Какъ въ чащѣ разбредушся по грибамъ!

Но дѣлать нечего, не миновать судьбы.

Пришлось раздѣлаться за шубки, за издѣвки!

Д у х и

(приближаясь.)

Ау! Кикимора!

Кикимора.

Ау! лечу, лечу!

Но я тебѣ, пріятель, отплачу!

(Улетаютъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

(Почь; пустынное мѣсто; перекрестокъ; по одну сторону лѣсъ,
по другую кладбище; вдали волнуется море; Луна перебѣгаетъ
лучи.)

С о в а

(сиди на шпѣ надъ курганомъ.)

Крикъ призывный, крикъ соемъ:

Духи, собрались ли вы

Въ часъ волшебный предъ разсвѣтомъ

На холмѣ въ шумѣ одиномъ?

1. Мертвецы.

Мы слышали швой зовъ:

Мы подыались изъ гробовъ

Тамъ изъ подъ дубовъ и липокъ,

Рой безпашныхъ, рой Антипокъ (*)

2. Влѣдѣнныя огни.

Рой подводныхъ пласуновъ,

Мы слышали швой зовъ

Тамъ надъ радутой болоша,

Средь зеленыхъ, вѣзжихъ мховъ:

Что? какал намъ рабона?

3. Русалки.

Мы при мѣсячныхъ лучахъ

Раскачались на древахъ,

Хохотливыя Русалки:

Вдругъ слышали швой зовъ,

Голосъ швой смѣшной и жалкой —

И пригнались изъ лесовъ.

(*) Безпашными Антипоками называются въ некоторыхъ у насъ
сказкахъ мертвецы, вампиры.

4. ЛѢШІЕ.

Ель, сосна не выше лѣшнихъ,
Намъ въ правѣ равна права:
Что прикажешь намъ, сова?
Мы заводимъ въ пину пѣшнихъ,
Мы обходимъ издоковъ:
Мы слышали пѣвой зовъ.

5. Домовые.

На грудяхъ, какъ лебедь, бѣлыхъ,
Чистыхъ, будно первый снѣгъ,
Юныхъ вдовъ и дѣвъ созрѣлыхъ
Мы избрали свой ночлегъ;
Тамъ мы на грудяхъ сидѣли,
Зовъ слышали — слытели!

6. Силы.

Силы мы: мы отъ высотъ
Гдѣ безъ скорби, безъ заботъ
И рѣзвились и кружились,
На лучахъ луны спустились.

7. Гномы.

Блескъ песносный, свѣтъ дневной
Непавиданъ наши очи;
Мы жильцы подземной почвы:
Вверхъ мы вызваны совой.

8. Ондины.

Домъ нашъ въ глубинѣ пучины:
Но на берегъ вышли мы
Изъ рѣчной, прохладной тѣмы,
Сладкогласныя Ондины.

9. Саламандры.

Мы жъ купаемся въ огнѣ;
Любимъ мы и прескъ и пламень;

Съ дымомъ вѣмся къ вышинѣ,
Распопласмъ мѣдъ и камень:

Совушка, сова, изъ совъ,
Мы услышали твоей зовъ!

В с ъ .

Совушка, сова изъ совъ,
Мы услышали твоей зовъ!

С о в а .

Сюда васъ званъ велѣлъ великій Бука:
Судишь оиъ хочешь двухъ ослушниковъ-духовъ;

Надъ ними приговоръ да будетъ вамъ наука!

Не знаю, превратишь ли ихъ въ воловъ,

Ихъ человѣку предоставишь

И грудь земли оранъ заставишь,

Или же обернешь въ почповыхъ лошадей,

Или въ кряхтящихъ спихотворцевъ,

Или въ дрожащихъ царедворцевъ,

Или въ игралище дѣтей,

Жуковъ, привязанныхъ ногою къ пипкѣ;

А только знаю, ихъ осудишь къ спирашной пылкѣ.

Пора унять васъ: вы охотники щадить.

По благо: съ вашей бранью шутишь,

Я вамъ порука, —

Не любишь Бука.

(Бука, огромная обезьяна, поднимается изъ подъ земли, въ большихъ креслахъ, обитыхъ алымъ бархатомъ: на немъ алый же плащъ, на головѣ большой парикъ вѣка Людовика XIV, въ правой рукѣ пукъ розогъ.)

Б у к а (къ Кикиморѣ и Шипиморѣ, которыхъ держитъ передъ нимъ связанными другая обезьяна.)

Кикимора! Шипимора! раздоръ,

Который съеде между духами,

Намъ надоелъ; оиъ жалобъ, криковъ, ссоръ

Покой нѣтъ намъ: что намъ дѣлать съ вами?
 А сверхъ того, не я ли вамъ велѣлъ
 Отнюдь, никакъ не вѣдаться съ чужбиной?
 И что же? ты, Кикимора поспрѣлъ,
 Ты Англичанъ, ты Нѣмцевъ обленѣлъ,
 Ты ворошился съ цѣлою корзиной
 Противныхъ мѣ, неслыханныхъ зашѣй!
 И что же? Русскую Литтературу,
 Мою шутиху, смиреннѣкую дуру,
 Ты, ты заснавилъ умничанъ, злодѣй!
 Я дядьку далъ ей, чиншаго Француза.
 Я няньку далъ ей, — называлась Муза,
 Да, Муза! — но межъ вами шалуны,
 Тобой, Кикимора, научены,
 Monsieur не ~~слухами~~ звали, а ~~недѣлствомъ~~
 И Музу начали месить жемаиствомъ.
 Чѣю жъ дѣлѣ? спарушка, спаричокъ
 Сердились, но не ждали, не гадали
 Онь васъ, повѣсь, ни горя, ни печали:
 Дипя ихъ слушалось, подъ ихъ гудокъ
 Плясало по введенному порядку.
 Вдругъ няньку въ шею, спарику шомчокъ,
 Ногами шопнуло и ну! въ присядку.

А ты, Шинимора! — ты не шалунъ,
 Ты хуже шалуна: научилъ, агунъ;
 Обнесъ другихъ тебѣ и пиръ и праздникъ;
 Но самъ каковъ ты? говори, проказникъ,
 Скажи, какъ смѣлъ ты, Букъ не спросясь,
 Сноситься шайно съ Дивами Турана?
 Не ты ль подарокъ приниалъ отъ Арсана?
 Или не я власнители пивой и Князь?
 Къ чему жъ, кому раскидываешь сѣни?

Холодному, слѣпому гордецу,
Безумному, какъ всѣ Адамаи дѣтки,
Бѣгущему на гибель, какъ къ вѣнцу,
Безъ всякой помощи духовъ и ада:
Ловишь шакихъ — какая шумъ опрада?

Теперь вниманіе мнѣ, духовъ соборъ;
Произнесу надъ ними приговоръ:
За всѣ помянутыя мною шашни
Я могъ бы ихъ помянуть въ подвалахъ банинъ;
Защипъ я могъ бы въ зайчій ихъ шулуи,
Путанъ и гнанъ помѣщескими псами;
Лѣтъ на сто запереть въ пустынный дубъ . . .
Не такъ ли? могъ бы? разсудилие сами!
Но попому ли, что нашъ вѣкъ такъ глупъ
И ужъ съ виновныхъ не сдираютъ кожи,
Или, что съ прежнимъ Букою не схожій,
Хотя, какъ прежде, хмурю бровь и лобъ,
Я самъ подъ спаросъ шашны тиланпропъ,
Или, что безъ того, не бытъ бы сказки, —
Я положилъ въ премудрости своей,
Дабы подобныхъ не было занѣй,
По предварительной, примѣрной шакѣ,
Ихъ порознь на годъ въ кабалу ондашь
Игорскому. — Надѣюсь, имъ наскучанъ,
Насъ слушанъ, надѣюсь, ихъ научить!
Не слишкомъ ли я благъ? прощу сказанъ.

Всѣ духи.

Прескупники доскойны всякой муки:
Поемъ и славимъ милосердые Буки!

Б у к а.

По мѣсяцъ въ облакахъ попухъ:
Вѣлѣтъ край небесъ шуманыхъ,

Часть I.

2

Рѣдѣтъ тѣмъ полей проспиранныхъ,
Свѣтаесть . . . чу! заплѣть пѣшухъ!

(Бука снова погружается въ землю: духи исчезаютъ.)

С о в а.

Легче дыма, легче сновъ
Разлѣпѣлся сонмъ духовъ;
Нѣтъ видѣнья, нѣтъ призрака;
Шумъ и шепотъ ихъ заплѣтъ:
Минувало царство мрака;
Солнце близко, разсвѣло;
Спрашиваюсь и мнѣ въ дуло!
(Прячется.)

Я В Л Е Н І Е 3.

(Огромная, освѣщенная зала; оркестръ играетъ вальсъ; партъ несколько кружится, въ числѣ ихъ Ижорскій съ Лидіею: послѣ двухъ или трехъ шуръ, онъ подводитъ ее къ стулу Графини Шенепиловой и окланчивается; музыка перемѣняется, танцеры расходятся.)

Л и д і я.

Алина, съ кѣмъ я тайцовала?

Г р а ф и н я.

Ижорскаго, та сѣге, ты не знавала:

Онъ путешествовалъ, въ пѣнь дѣтъ

Объхалъ цѣлый свѣтъ;

Какъ слышно, человекъ необычайный

И свелъ своимъ умомъ Выпренева съ ума.

Л и д і я.

Людей необычайныхъ пѣнь тѣмъ.

А впрочемъ, ты признаешься сама,

Выпренева съ ума свесилъ — пѣнь великой тайны.

Графиня. (Внутреню, который разговаривалъ въ пѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ съ однимъ Генераломъ.)

Вѣтреньевъ, слышите?

Вѣтреньевъ.

Позвольте, Генераль!

Графиня, нѣтъ! просните! не слыжалъ.

Графиня.

Княжна божишься, что не шрудно

Съ ума васъ свесить.

Вѣтреньевъ.

Съ Княжной и съ вами спорить безразсудно:

Княжѣ и вамъ на жертву умъ принести

Всегда себѣ пошавлю въ честь.

Лидія.

Знакомы вы съ Ижорскимъ?

Вѣтреньевъ.

Боже!

Мы съ нимъ друзья:

Отъ жизни для меня дороже;

Съ нимъ неразлученъ я.

Графиня.

Намъ друга своего, Вѣтреньевъ, опишите!

Вѣтреньевъ.

Глубокій умъ, но сердца не ищете:

Оно распало отъ губельныхъ спрасней.

Лидія.

Господь избавь насъ отъ такихъ друзей!

Вѣтреньевъ.

Лице Вампира или Лары

(Оркестръ начинаеть играть кадрили.)

*

Кадриль! тамъ не достахо пары.

Осмѣлюсь ли, Княжна?

(Лидія вспаснѣ и подастѣ ему руку.)

Графиня.

Вершѣться не опикажешся она!

(Ижорскій между тѣмъ бродитѣ по залѣ; оспанаваиваетѣся и смотритѣ на танцующихъ.)

Жеманскій

(подходитѣ къ нему.)

Вы такѣ задумчивы, Ижорскій; влюблены ли?

Ижорскій.

Что за вопросъ? но пусть такѣ! я влюбленъ.

Жеманскій.

Не вѣрю я: вы ко всему ослыны.

И я, признахъся, свѣломъ упоменъ:

Я много жилъ и чувствовалъ и видѣлъ,

Я много жилъ — и жизнь возненавидѣлъ!

Ижорскій.

По сѣ небольшимъ вамъ двадцать лѣтъ?

Жеманскій.

Да въ двадцать лѣтъ я прожилъ вѣки.

Испилъ и радости и скорой рѣки

И для меня обмановъ сладкихъ нѣтъ!

Ижорскій.

Тогда возмите исполненъ

И — заспрѣдихесь.

Жеманскій.

Вонъ совѣтъ!

Но видно по всему, вы не познѣ.

(уходитѣ.)

Ижорскій.

Вонъ молодѣ и румилъ и глупъ и лущенъ:

А и въ него всемилась блажь

И лезетъ онъ шудажъ
И страстно *байронствовать* размучень!

В е с н о в ь.

(приближающа къ Ижорскому
съ некоторою робостью.)

Вы здѣсь, Ижорскій? и не скучно вамъ?

Средь вихря свѣта ледянокъ чувствива:

Природы чудеса и чудеса искусства

По слуху одному знакомы намъ;

Но вы ихъ видѣли! вы были въ вѣчномъ Римѣ;

На Эпитѣ были вы: въ ея священномъ дымѣ

Надъ моремъ пламеннымъ, надъ ранней, свѣтлой мглой

Носились вы ликующей душой

При воскресающемъ, дневномъ свѣтлѣ!

Вы поклонились въ степяхъ при древнемъ Нилѣ

Царей Египетскихъ гробамъ;

Вы измѣрили Пирамиды

О Боже мой! вы были тамъ,

Гдѣ за свободу гибли Леониды,

Гдѣ пѣлъ божественный Гомеръ!

Въ Аоннахъ, въ Спартѣ были сами!

Ахъ! какъ вы счастливы въ сравненьи съ нами!

Я, на примѣръ,

Подъ хладными я зрю небесами,

Все это только знаю и изъ книгъ — —

Какъ на воспорги васъ доспало?

Кляпсуя, за одинъ подобный мигъ

Ощадивъ полжизни дешево и мало!

(Ижорскій смотритъ на него не безъ участия,
но не отвѣчаетъ: Весновъ удаляется.)

И ж о р с к і й.

Какъ молодъ онъ, какъ пламенѣть, какъ свѣжъ!

Да, были и во мнѣ когда-то чувства тѣжъ

Зачѣмъ же я опцвѣлъ и очерснвѣлъ такъ скоро?

Давно мою я позабылъ весну.

Но онъ его сокрою зора

Души моей убишмой глубину:

Холодный мой языкъ счастливица не вспревожиптъ.

Онъ впрочемъ и поняшь меня не можетъ:

Содрогся бы, когда бъ воображалъ,

Что я среди свдшхъ воспоминаній,

Среди развалинъ, водопадовъ, скалъ,

Въ странахъ, къ коимъ проспираешь длани,

Гдѣ каждый шагъ мой чудо обрѣталъ,

Безъ крыльевъ, безъ мечпаній

Скучаль!

(помолчать.)

Какъ надобъ мнѣ эшопъ балъ!

Мнѣ душно! шумомъ оглушенный,

Въ полнѣ, но средь толпы уединенный,

Забывшся не могу: пойду;

Но скуку шуже я вездѣ найду.

(Уходить.)

Я В Л Е Н І Е 4

(Певская набережная; свѣшная северная ночь; Ижорскій прогуливался.)

И ж о р с к і й.

Плывешь по небу ясная луна;

Съ чужь слышнымъ стономъ о гранитъ прибрежной

Бьетъ сонная, лѣнивая волна;

Кругомъ меня и миръ и тишина:

Но мира нѣтъ въ душѣ моей мясешной.

Исполнень дерзости, исполнень силъ,
Когда-то призракъ счастья я ловилъ,
Но скрылся средь несчастя призракъ дивный.
Все испытала я, все я разлюбилъ:
И скорбь и радость мнѣ равно противны.
Пусть ищутъ! счастья исканъ не мнѣ
Въ унылой, вялой, мертвои тишинѣ.
Я все вкусилъ: и блескъ златой лазури
И брань стихій и брань сердечной бури,
Восшоргъ и ярость, ревность и любовь;
Вкусилъ, забылъ, — не пожелаю вновь.
Я въ бившѣ зрѣлъ дымящуюся кровь,
Вблизи моего чела жужжали пули;
По бившѣ съ пламенныхъ, роскошныхъ устъ
Я поцѣлун шлѣ: и что жъ, скажу ли?
Меня война и нѣга обманули!
Въ войнѣ и нѣгѣ холодеи и пусшь,
Я видѣлъ смерти безъ страха, безъ утасья,
Я поднимался съ ложа сладоспирасья
Съ уснадой, пресыщенною душой
И снова рвался въ ужасъ боевой!
Что можете быть еще мнѣ въ свѣтѣ ново?
Все, все, что сладоспшно, все, что сурово,
Знакомо, старо для меня; не я ль
Исчерпалъ все: и самую печаль
И самое раскание? Сначала,
Такъ, — кровью обливался я, спеня,
Но алчный корнунъ совѣсть занимала,
Живили угрызенія меня
Теперь — уже ль послѣдовать совѣсту,
Который съ часъ назадъ я далъ Поэту
Жеманскому? — Такъ, вижу, средспва нѣтъ:

И рано ль, поздно ли, а исполнень,
Или вода или кипжаль надежный
Конецъ всему, конецъ мой неизбѣжный.
Что медлить? но за чѣмъ же и спѣшить?
Пить, не въ минушу прихоти, не въ скуку
Я разорву безцвѣтной жизни нить:
Я хладно приготавливаю къ разлуке
Съ унылою гостиницей земной;
Я выйду равнодушный постоялецъ,
Не скроюсь изъ нея, плащальникъ злой.

Но что же? въ путь готовую роковой,
А перстень сей? зачѣмъ хранишь мой палецъ
Сей талисманъ чудесный и смѣшной?
Какъ сердце человека свосправно?
Ужель? — клянусь, и ново и забавно:
Тому, чѣмъ могъ бы быть блаженнымъ я,
Не вѣрить мерзвая душа моя;
И между тѣмъ, какъ разбираю я спяну,
Здѣсь въ глубь сердца вѣрю талисману!

Отъ шайки Бедуиновъ караванъ
Я съ горстью храбрыхъ спасъ въ глухой пустыни,
(Все это помню, будищу вижу нинѣ)
Дервишемъ, на смерть раненымъ, мнѣ данъ,
Имъ данъ мнѣ ашотъ дивный талисманъ;
И онъ сказалъ мнѣ: «воиъ кольцо просное;
»Ты жъ, сынъ мой, пренебечь имъ не дерзни;
»Кольцо на пальцѣ шрижды поверни
»И покорись себѣ начало злое.»
Спарилъ вдругъ умеръ; но въ его очахъ
Изображались злоба, смѣхъ и страхъ.

Воиъ шепчетъ мнѣ какой-то демонъ, чтибы

Я испытала могущество кольца;
Въ прошедшій вѣкъ, въ вѣкъ моего отца
Такое дерзновенье навлекло бы,
Что хуже казни, хохотъ на меня;
Но измѣнился свѣтъ: день опло дня,
Воскресшя, спариныя преданья
Присмлютъ большую надъ нами власть;
О люди! люди! спариныя созданья!
Къ чудесному во всѣхъ возникла спросить.
Давно ль? кричали: «адъ и небо бредни!»
Не вѣрили ни въ Бога, ни въ чертей;
Все просвѣщалось; самыя передни —
Теперь — взгляните на своихъ дѣтей,
Ученики, поклонники Вольера!
Конечно суевѣріе не вѣра:
Но гдѣ же, гдѣ хваленный вашъ успѣхъ?
Что ваша мудрость? и подумай, — смѣхъ!
На чѣмъ же я основываюсь? и вѣра
И вѣсѣтъ и не вѣра, что начну?
Что будешь, — будешь! — перстень поверну,
Пусть ошибусь, — не велика пошля!
Разъ, два, три — вздоръ! — Пора домой: съ Невы
Поднялся вѣтеръ . . . Кню же шамъ на встрѣчу
Ко мнѣ идешь? — Основываюсь, замѣчу.

Кикимора (въ видѣ маленькаго спарика въ серомъ
фрактѣ, въ Альмавивѣ, въ большой,
бѣлой Кляксерской шляпѣ.)

Вы звалц, кажется . . .

И жорскій.

Ошиблись вы:

Я звалъ не думалъ.

Кикимора.

Право? вонъ забавно!

Да кто же здѣсь глубоко шакъ и плавно

О вашемъ просвѣщенъ разсуждать,
О предразсудкахъ, суевѣрьѣ, вѣрѣ,
О людяхъ, вѣкѣ, мірѣ, и Вольперѣ
И наконецъ вершенье колечко снать?

И ж о р с к і й.

И такъ но не шого я ожидаю!

К и к и м о р а.

Бѣда! и насъ встрѣчаютъ ужъ по плащю!
Не ужшо мнѣ двинься было съ рашью
Чудовищъ разныхъ? вѣкъ вѣдь не шаковъ!
И къ намъ безжалостливъ охъ и суровъ:
Мы изъ Баллады въ прозу перебрались.
Не гордь, не пышеть нынѣ нашъ нарядъ:
Намъ вмѣсто прежняго всего оспались
Фракъ стрый, красный плащъ, да чудный взглядъ.
Но позабуди на часъ мой видъ смиренный.
Чего жасашь? будешь! прикажи!

И ж о р с к і й.

Клянусь, хопя зовешься духомъ жи,
Спарикъ ты въ самомъ дѣлѣ драгоценный!
И такъ послушай, жилищъ супоснатъ:
Мнѣ шридцашъ лѣтъ, эдоровъ я и богатъ
И, говорящъ, не дурень я собою,
Бышь можешь, и не глупъ; но кшо жъ судьбою
Во всемъ доволенъ? шяжекъ жребій мой!
И я (спыжусь! сѣвянсья надо мной,
Насмѣшникъ ты лукавый, шарый, воленъ!)
Но общемо и я болѣзню болѣнъ:
Все надоело мнѣ; и жажду я
Какихъ нибудь безвѣстныхъ впечатлѣній:
Всѣхъ влалыхъ скорбей, пошлыхъ наслажденій
Пугаснся, бѣжннъ душа моя.

К И К И М О Р А.

Да, не легко тебѣ помочь, пріятель!
Да, люди спали очень мудрены!
Бывало, деньги, женщины, чины:
И счастливы, а нынѣ, нынѣ къ спаннѣ ль?
Не смѣй и предлаганъ имъ вздоръ такой!
Но бывъшъ такъ: выслушай, философъ мой;
Придумалъ я новинку вонъ какую:
Доселѣ ты людей, ихъ мысли, слышь,
Признайся, — узнавалъ лишь изъ примѣтъ;
Скажи мнѣ, видѣшь ли истину такую
Вездѣ, во всякомъ случаѣ, всегда
Желаешь ли?

И Ж О Р С К І Й.

Скажу, положимъ: »да;»

Твои условья?

К И К И М О Р А.

Не спрашивъ, любезный,
Не стану требовать твоей души:
Обрядъ пустой, снаришный, бесполезный!
Пить! вонъ бумагу только подпиши,
Чшо годъ мени продержишь.

И Ж О Р С К І Й.

Шупишь?

К И К И М О Р А.

Только!

Чшо жъ? по рукамъ?

И Ж О Р С К І Й.

Бумага гдѣ?

К И К И М О Р А (подаешь ес.)

Изволь-ко!

(Ижорскій подписываетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Кабинетъ Ижорскаго; его житья дома; Какимора сидитъ передъ комелькомъ въ Вольшеровскихъ креслахъ; смеркается.)

КАКИМОРА.

Какъ весело моиъ поварницамъ-духамъ!

А мнѣ какъ скучно!

Какъ шѣсно средь людей, какъ вяло и какъ душно!

Друзья, друзья! раздолье вамъ:

Вы вьетесь къ свѣплымъ высотамъ;

Передѣлаете моря и сушу;

Подслушиваете Природы душу;

Таинственный бой жилъ земныхъ,

Внизъ смотрите очами звѣздъ злыхъ,

Поете въ тмась бурь; средь пламени прещите —

Меня изгнанника вы, братья, помяните!

И, если близко кто порхаетъ въ вѣтеръ,

Или работаетъ и роетъ подземелье,

Или вкушаетъ сладкое бездѣлье,

Кунаясь въ быспромъ, аломъ огонькъ,

Волнъ въ эномъ, на примѣръ, чпо въ комедькѣ,

Пусть мнѣ предстанетъ! пусть веселье

Съ нимъ посѣпшишь меня въ угрюмой кельѣ!
Мнѣ грустно: я сижу, нахмуряся, какъ сычъ,
Сижу, Ижорскаго хандрою зараженный,

Вдыхаю, какъ влюбленный
И сонный монологъ читаю усыпленный . . .

Придите же! (Саламандра Зничъ выскакиваетъ изъ огня.)

А! здравствуй, Зничъ!

Зничъ.

Не думалъ, не гадалъ въ тебѣ найти Поэта!
Братъ, славная побой Элегія протѣла!
Ха! ха! ха! ха! Какъ вы, Кикимора, смешонъ!
Дай, ошошрю тебя со всѣхъ сторонъ:

Въ рукѣ газета,

А на носу очки,

Глубокомыслія и дальности протѣла!

Гдѣ прежніе швомъ прыжки?

Проворство гдѣ бывшее?

Кикимора.

Оставь меня въ покоѣ!

Я безъ того сердитъ:

По милости научниковъ и Букъ

Мнѣ умереть пришлось со скуки . . .

(Зничъ смѣется.)

Все вашу брашню смѣшишь!

Повѣрь, мнѣ не до смѣха:

Плохая тушь пошѣха,

Дни проводишь съ брюзгой,

Кому все надоѣло подъ луной.

Хоть бы онъ разъ, хоть бы ошибкой

Меня порадовалъ улыбкой!

Казать ему я истину взялся,

Срыванъ съ людей, съ ихъ помысловъ личину;

Вопъ думалъ: угожу! Клянусь своею судьбиною:

Разшевелишь его нельзя!

Кто бы ни былъ, а при мнѣ свои всѣ мысли
Всѣ тайны выскажешь; самъ случай расчисти,

Онъ ихъ, хотя бы кто, да хохоталъ —

Примеръ: писанель; издаешь журналъ;

Заглавье чудо: »Безприсрасный!«

Судя стиховъ и прозы самовласный,

Онъ ушѣ свѣту прожужжалъ

Про чистую свою любовь къ наукамъ: я же

Смѣнуль, что чистота его вся въ сажѣ;

Съ нимъ свелъ Ижорскаго и былъ мой Журналистъ

Рѣчишь!

Съ глазами полными огня и чувства

Онъ спалъ — ны ошгадалъ — ругалъ искусства;

Съ воспорженнымъ размахиваемъ рукъ

Спалъ поносилъ безумный бредъ наукъ

И восклицалъ: »нѣтъ! только въ деньгахъ счастье,

Къ нимъ только, къ деньгамъ есть во мнѣ присрасны;

За деньги — Пушкина я унижалъ годовъ,

За деньги Пиндаръ мой — Свисловъ!«

Такъ толковалъ герой бумажный,

Но сохранялъ и видъ и голосъ важный

И надрывалъ вишійствомъ грудь;

Что исповѣдалъ намъ, ни мало не замѣнилъ

И только помышлялъ и мѣнилъ,

Какъ насъ надушь.

Знйчь.

Смѣлся швой Ижорскій?

Кикимора.

Онъ? ни чупь!

Зѣвалъ. Когда жъ ушелъ писанель,

Зѣнулъ, еще зѣнулъ и мнѣ сказала: »прйшель,

За испину пиво и гроша я не дамъ.

Ее и прежде зналъ я самъ,

И для подобныхъ опкровеній

Не нуженъ мнѣ ни злой, ни добрый Гепій. «

Къ влюбленнымъ я его привелъ попомъ:

За посподисство ихъ хвалили всюду,

Дивились все ихъ нѣжностямъ, какъ чуду;

Но намъ они проспѣвающимъ языкомъ

Признались, что другъ друга ненавидяшь,

Смѣшнее ничего любви не видяшь,

И только для того доигрываюшь роль,

Чтобы о нихъ не замолчали въ свѣтъ.

И мы опирались опшомъ

Къ ученому: его заспали въ кабинетѣ

За книгами; но книги бѣла моль;

Онъ намъ сказалъ: «онъ единственно для виду,

Въ нихъ въ годъ заглядываю разъ;

Труды и чтение пагуба для глазъ.

Вотъ завернули къ Аришиду

Новѣйшихъ дней, къ судья: »сердечно бы я радъ,«

Такъ говорилъ судья, — «проданъ исправдѣ душу,

»Но, мой почтеннѣйшій, я шрупу!

»Вѣдь сто рублей и тысяча не кладъ:

»И предлаганъ такую малоснѣ глупо;

Большая у меня семья —

Дарить, такъ ужъ дарить не скупо!»

Два франка къ намъ пришли; ихъ прозвали: друзья;

Что не солгали

Краснорѣчивой древности скривали,

Что подлинно Дамонъ и Пифеасъ живали,

Изъ ихъ примѣра универждали;

Друзья устали — и тогда —

Ты оптадаешъ ихъ признание:
То было ихъ последнее свиданье;
Друзья разсѣлились навсегда.

Значь.

Что жъ пивой пишомецъ при подобныхъ встречахъ?

Кикимора.

Жалеешь о своихъ минувшихъ сѣчахъ,
О спранныхъ своихъ былыхъ,
О пѣхъ пустынныхъ грозилыхъ и пѣмыхъ,
Гдѣ онъ скучалъ, какъ здѣсь скучаешь,
И сердился и утѣраешь,
Что вѣдалъ это напередъ,

Что это вовсе для него не ново:

Онъ каменный, онъ ледь!

И если бы не данное мнѣ слово,

Меня прогнать бы онъ давно:

Ужился съ нимъ, спрахъ, бранецъ, мудро!

Значь.

Кикимора, пѣсь, какъ другу,

Я окажу услугу:

Возьми, вози порошокъ;

Онъ мной сохпавленъ изъ огня живаго,

Копорого пылающій пошокъ

Причина всякаго бытѣя земнаго;

А жъ при содѣйствіи ночныхъ свѣщилъ

Мои чарами огонь сгущилъ.

Знай: въ порошокъ чудеснѣйшая сила;

Знай: смертный, будь онъ хладенъ, какъ могила,

Любовью загоритъ, какъ вкуситъ онъ него;

Онъ отреченъ онъ всего;

Ее лишь будетъ видѣть во вселенной;

За ней послѣдуетъ повсюду и всегда,

Но если влюбился она въ него — беда!

Любовь погаснень въ немъ — перунъ мгновенный,

Раздвинувъ ризу швы,

Блескъ, за копорымъ мракъ мрачнѣе вдвое.

Заговорились мы;

Прощай, обнимемся!

К и к и м о р а.

Нѣтъ, братъ, пустое!

Благодарю тебя, но ты сожжешь мой фракъ.

Вы Саламандры пламень,

Да я теперь не воздухъ и не камень.

З н и ч ь.

Я зябну здѣсь: прощай, чудакъ!

(Зннчъ пропадаетъ
въ огнь.)

К и к и м о р а (одинъ.)

Да, славный порошокъ и преполезный!

Спасибо, Зннчъ любезный!

Вамъ, Левъ Непрочитъ, удружу:

Не стану передъ вами лицемерить,

Не обману васъ, правду всю скажу;

Но вы вольны жъ мнѣ вѣрить или не вѣрить

И если вамъ лжцомъ казаться буду я;

Что дѣлать? такова судьба моя!

Хоша и горько и обидно,

Не спорить же съ Судьбой, какъ видно.

Излѣчился онъ скуки наконецъ

Спирданьями мой молодецъ

Живыми, самими живыми — вамъ ручаюсь.

Посмотримъ, какъ ихъ поспѣшимъ обнять?

На влоснѣ ихъ, — надеждою ласкаюсь, —

Не будете намъ кѣяться.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2

(Домъ Князя Пронскаго; компанія Лидіи: *Лидія* и *Графиня*.)

Лидія. (поправляясь передъ прямою.)

Еще бы не скучашь! Мой Боже!

Здѣсь въ Пешербургѣ все одно и то же.

Графиня.

Неблагодарная! она, —

Нѣтъ бала, нѣтъ собранья, —

Полкомъ вздыхающихъ окружена;

Для нихъ законъ ея желанья:

И смѣешь говорить, что скучно ей!

Лидія.

Да, признаюсь въ глухости моей:

Они-то именно мнѣ надоели,

Всѣ эти Сладомы, нуспомѣи,

Любезники, пиномцы нашихъ залъ. —

Какъ только вспомню балъ,

Ихъ сладость, оспироны, кривлянье, вздохи, лепетъ,

Меня бросаешь въ страхъ и трепетъ.

Сначала весело дурачишь было ихъ;

Но вижу: и щелчковъ моихъ

Они не стоятъ.

Графиня.

Всѣ? безъ исключенья?

По крайней мѣрѣ, вошь Ижорскій не похожъ —

Лидія.

Ижорскій? вашъ герой? — хорошъ!

О! нѣтъ сомнѣнья:

Онъ не маршешка онъ медвѣдь.

Графиня.

Однако жъ этому медвѣдю сѣнь
Раскинушь ты пыталась.

Лидія.

Что жъ? вамъ я признавалась
И признаюсь . . . вѣдь было бы смѣшно,
Когда бы небомъ было суждено
Его разбѣжнѣ мнѣ! (Помолчавъ) Ма chère, смѣшно бы было:
Воображаю, какъ смотрѣлъ бы онъ уныло,
Какъ ревновалъ бы непонядь!

Глууръ нашъ, нашъ Конрадъ
Отъ одного дрожалъ бы, шаялъ взора,
Отъ взора моего! — Ручаюсь вамъ, умора!
(Хохочень; входяишь слуга.)

Слуга.

Ижорскій Левъ Пепровичъ

Лидія. (продолжая смѣяться.)

Онъ! принишь!
Его въ гостинной будемъ ожидать.
(Слуга уходитъ; за нимъ Лидія и Графиня.)

Я В Л Е Н И Е 3.

(Кабинетъ Ижорскаго; Кикимора, пономѣ Ижорскій.)

И ж о р с к і й.

Кикимора, гдѣ ключъ отъ торпентъна?

К и к и м о р а .

Не знаю: заложень.

(Въ сторону.)

Лъкарство дѣйствуетъ: герой влюбленъ.

И ж о р с к і й.

Что ты смеешься, обезьяна?

К и к и м о р а.

Опъ скуки сказку я прочелъ:

Мудрецъ влюбленный; пресмышная сказка!

И ж о р с к і й.

И сходство ты нашёлъ?

К и к и м о р а.

Прошу покорно: вошь привязка!

Какое сходство? съ кѣмъ? съ тобою?

И ж о р с к і й.

Да.

К и к и м о р а.

Влюбленъ ты? не повѣрю никогда.

И ж о р с к і й.

Влюбленъ . . . какъ это слово мало?!

Съ ея быльемъ мое былье

Судебъ опредѣленіе связало;

Изъ всей вселенной я избралъ се.

Горжусь передъ тобою,

Насмѣшникъ жалкій, заполучный духъ:

Въ тебѣ пѣть жизни, ты для гласа сердца глухъ;

Могущъ, безсмертенъ ты, но ты съ душой родною

Не встрѣнишься во вѣкъ;

Я слабъ и смертенъ — пущь! но человекъ.

К и к и м о р а.

Такъ, шакъ! ты человекъ: въ восморгѣ эпомъ глупомъ,

Въ непосредствѣ эпомъ узнаю

Природу въпрошлѣнную твою.

Давно ли сравнивалъ себя ны съ хладнымъ струномъ?

» Я для всего просилъ, переторгалъ;

» Ужъ не доступенъ я для спирьы

» Спраспей и рока и напасни.»

И кто же? ны невольникъ спраспи,

Кошторой, — не сердися, свѣтъ!

Изъ всехъ спраспей смѣшнѣе нѣтъ?

Къ тому жъ, передъ побою

Скрывать нужды нѣтъ и не скрою:

Ты точно правъ былъ; безъ огня,

Безъ жизни, камню мершвому подобенъ,

Ты не былъ ужъ способенъ

И забавлять мени.

Съ такимъ кумпромъ годъ по нашему условью

Прожить — мнѣ snadо тяжело:

Я, я надменности пивоей на зло

Околдовать шебл любовью.

И жорскій.

Ты?

И жорскій.

Такъ я. Не ужель не знаю васъ,

Смѣшныя, гордые Адамовы потомки,

Васъ, родъ заносчивый, какъ вѣчный кедръ — и ломкій,

Какъ просохъ сухая, какъ зерна лишенный класъ?

Но вы намъ ондали во власнѣ;

Вы наше доспоишь, наша часнѣ;

По волѣ мы играемъ вами;

Вамъ заблужденіа даемъ,

То служей васъ знобимъ, шо жжемъ огнемъ

И веселимся вашими спраснями.

Безумья ваши намъ насущный хлѣбъ;

А не припомню я ни разу,
 Чтобы изъ васъ кто сотворилъ проказу
 И не виныль бы неба и судьбъ:
 Носъ распибете? — Божіе вельнѣ!
 Сношкнешесь? — шайна! глубина!
 Не такъ ли? вспрѣлилась шебѣ швоя: »она«,
 И ты задумалъ въ шо жъ мгновенье:
 »Ее узналъ я; рокомъ мнѣ дана!
 »Она мой — та половина,
 »Съ которою соединѣть и слышь,
 »Божественный Герма-родитъ,
 »Когда-то я носился среди чина
 »Безилошныхъ, дивныхъ силъ,
 »Но тамъ — не знаю, какъ? — да согрѣшилъ;
 »Тогда Создатель
 »Меня во гнѣвъ на два распялилъ«
 И прочее, о чемъ мечинашеть
 Платонъ премудрую систему сочинилъ (*)!
 Прекрасно, слова нѣтъ; догадливъ пол и шенокъ.
 И разсудилелень: а между шѣмъ бѣсенокъ,
 Покорный вамъ слуга, надъ вами подгушилъ!

И ж о р с к і й.

Досадно и шѣмъ болѣе досадно,

(*) Мнѣніе о первобытно-двуполной природѣ человека обыкновенно счищаютъ платоновымъ; между шѣмъ въ Симпозиѣ, (съ разговоръ о различныхъ родахъ любви за столомъ у Поэта Агапіна), въ которомъ Греческій Шеллингъ предлагашъ онос, не Сократъ, коему обыкновенно Платонъ влагаетъ въ уста то, что самъ признаетъ за истину, а насмѣшникъ Аристофанъ высказавшъ зацѣпникомъ зной системы; изъ чего, по крайней мѣрѣ для меня, ясно — что шують ничто иное, какъ шутка. И такъ Г. Кикимора напрасно клеветать на покойника Платона.

Что, кажется, ты правъ!

Не будь такъ: онь пивоей мнѣ шушки не накладно;

Онь чаръ ли я какихъ, волшебства или правъ

Влюбленъ, — по все влюбленъ, и радуюсь любви:

Ты съ нею покъ роскошный, новой крови

Мнѣ пролилъ въ жилы; сердце расцвѣло,

Все вкрутъ меня вновь ясно и свѣтло;

Во взорахъ Лиди взаимнось я чишаю,

Въ порывахъ сладостныхъ и бурныхъ уношаю.

Кикимора.

И все, что слыдуешь, какъ то извѣстно намъ

Давно изъ припороныхъ элэгій, изъ посланій,

Исполненныхъ воспоговъ и спраданій!

Да съ позволенія вашего я вамъ

Со всею скромносною вопросъ задамъ:

Что, если ангелъ вашъ лукавитъ, лицебритъ?

Что, если — пусшь и не при всѣхъ, —

Но тайно подымаеъ васъ на смѣхъ?

Вашъ ангелъ женщина, а женщины поверитъ

Ребенокъ развѣ — вдругъ

Задумался? . . . меня къ ней не свезешь ли, другъ?

(Ижорскій беретъ шляпу и выходитъ, Кикимора за спиною его кривляеъся съ злою улыбкою, а пошомъ выбѣгаеъ въ слѣдъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Садъ на дачѣ у Князя Провскаго. Князь, Лидя, Графиня, прогуливаясь; — Ижорскій и Кикимора, спрятавшиеся за деревомъ.)

Графиня.

Послушайте, мой осле, что Лидя говоришь!

Не уже ли мой таворишь

Ижорскій держишь шута?

Онъ? пушесесивенникъ, философъ, филантропъ?

Князь.

Охъ вы, разумницы! ну держишь шута!

Что жь шутъ худаго? Юрикъ и Эзопъ

Что были? вѣдь шуты жь! и на меня минуша

Находились иногда, въ контору, когда бь

Я не былъ вашихъ предразсудковъ рабъ,

Меня бы утѣшала дуракъ забавный

Гораздо болѣе всѣхъ вашихъ мудрецовъ.

Люблю Москву я, городъ православный:

Вотъ тамъ живушь по правиламъ ошцовъ;

Хоть наряжающся и тамъ подь часъ въ шумиху,

А золоту все честь и славу оидають;

Въ Москвѣ у Князя Алексѣя шутъ,

Купила Марья Дмириевна шушину . . .

Лидія.

Рара! возможно ли? Москва

Князь.

Не Петербургъ? — Слова, однь слова!

Ижорскій странень: мы согласны;

Да человекъ богатый онъ, прекрасный,

Родилъ большая, множество связей,

Проигрываетъ кушъ,

Сказать, какія? при иномъ не смѣй:

За шо семь тысячъ душъ! за эппи души

Прощу миллонъ да не такихъ зантъ!

Ижорскому изъ первыхъ я друзей:

И васъ, mesdames, прошу, какъ можно,

Съ нимъ обходитесь оспорожно.

Лидія.

Его просили вы?

Онъ дурака хотѣлъ привезтъ сюда на дачу

Князь.

Просишь.

Лидія.

Съ досады чуть не плачу:

C'est ridicule! побойтеса молвы

Князь.

»C'est ridicule« — вотъ ненавижу слово:

Оно у васъ про все и для всего готово.

Но больше не хочу вамъ пошакать:

Монхъ плохихъ и жалкихъ обешояпельствъ

Не унаю онъ вашихъ я Сіятельствъ;

А чѣмъ могу ихъ поддержать?

Въ Ижорскомъ Богъ послалъ мнѣ благодать:

Онъ не игрокъ, не любимъ онъ играшь,

Играешь такъ со скуки;

А между тѣмъ Господь не даромъ далъ мнѣ руки.

Конечно впокой способъ сопряжень

Съ болышею трудностью: другой я, лучший знаю;

Тебѣ, ma chère Luidie, его не предлагаю;

Однако же въ тебя Философъ нашъ влюбленъ . . .

(Лидія плачетъ.)

Mon âme, сентиментальности ненавижу:

Не плачь! я для тебя бѣды большой не вижу,

Хотя бы замужъ вышла за него.

Но впрочемъ и не иребую того.

Не ужшо не поймешь? У васъ плушеровъ

Тьма хипростей, увершоекъ и уловоекъ;

Не мнѣ тебя учишь: найдешь сама

Довольно средствъ, какъ свести его съ ума.

Мнѣ денегъ, денегъ! бьюсь не изъ большого:

Будь деньги, същещъ жениха любого.

Принарядишься для побѣды.

Къ намъ Левъ Пенровичъ будетъ на обедъ . . .

Какъ васъ приму я, Левъ Петровичъ!

(Дѣлая рукой движеніе, будто знакомить гостей между собою.)

Рекомендую: наши все! друзья!

Графъ Фаро, — Князь Тузовъ, — Лордъ Гамштеръ, — Панъ
Спассовичъ:

Ихъ полюбилъ прошу покорно я!

(помолчавъ)

Да! приказанъ въ уху прилипъ араку:

Одно Шампанское безъ крепости, безъ смаку!

Внухъ разорился я: увы! уха и дочь,

Но откажишесь вы сегодня мнѣ помочь!

(Уходитъ.)

Графиня.

Какія правила! какія наставленья!

И будетъ въ пользу вамъ? но въ этомъ нѣтъ сомнѣнья:

Вы своего опнца достойное дитя;

Плѣнять, обворожать, заманивать, шутя,

Умѣете

Лидія.

Оставьте оскорбленья,

Графиня! низостей чужда душа моя:

Ижорскаго я не любила,

Но гордоснь, признаюсь, мнѣ голову вскружила,

И очень виновата я —

И вошь наказана! . . . Однако, мнѣ повѣрьте,

Различіе найдется между насъ:

Тщеславье ослѣпишь могло меня на часъ,

А все на свой аршинъ меня не мѣрьте.

(Уходитъ.)

Графиня.

Благодарю покорно! но я вамъ

Себя, — въ свою мнѣ очередь повѣрьте, —

Безъ наказанья унижать не дамъ! —

(Уходитъ; выходятъ Ижорскій и Кикимора, который въ продолженіе предыдущаго разговора нѣсколько разъ высовывался и нѣлодвиженіями сопровождалъ слова играющихъ, особенно Князя.)

К И К И М О Р А :

Кто правъ? я или ты? ты слышалъ самъ:

»Ижорскаго я не любила,

»Мнѣ только гордоснѣ голову вскружила.»

Вотъ видишь ли, любезный мой Адамъ:

Твоя небесная, божественная дѣва, —

Хотя признайся въ томъ и некрѣпко мнѣ, —

Такая жь дѣва,

Какъ вся онѣ! —

И Ж О Р С К І Й.

Вотъ, вотъ гдѣ — въ сердцѣ смерть! Ты побѣдилъ, лукавый!

Такъ, смѣйся, шоржесивуй! Расперзанный, кровавый,

Для человечества безчувственъ, слѣпъ и глухъ,

Я твой ошпынь, адскій духъ!

Людей я презиралъ, ошпынь ненавижу.

Она — нѣтъ! нѣтъ! — ее я болѣе не увижу.

Любовь, ко мнѣ любовь мнѣ въ ней являла все:

Въ движеніяхъ, въ очахъ любви святая сила,

Со мной душа ея, казалось, говорила

И не любила!

Я былъ игрушкой для нее:

Она меня съ Вздыхалкинымъ сравнила,

Съ Жеманскимъ, съ иварями! а я ей бытіе,

Дыханье каждое ей посвящалъ я! больно!

(Кикимора смѣется.)

Хохочешь, врагъ? довольно!

Всему еси мѣра, мѣра еси всему,

Терпѣнью даже всему;

Ты вспомни, власнѣ дана мнѣ надъ тобой, предатель:

Ужаснымъ быть могу

Кикимора.

Не для меня, пріятель:

Мой годъ неволи кончился вчера;

Изъ милосердія одной, изъ сожалѣнья

Съ побою пробылъ лишній день я;

Разсвѣтѣ намъ пора!

* * *

Такъ, пора — и я покину

Вашъ несносный, блѣдный свѣтъ,

Вашу душную долину,

Гдѣ наводишь все кручину,

Гдѣ ни шумы, ни блеску нѣтъ.

Примечу — и будетъ праздникъ

Между нашихъ шалуновъ:

»Возвратился нашъ проказникъ!«

Такъ воскликнемъ полкъ духовъ.

Здѣсь я дряхлый шарикашка,

Тамъ же свѣжъ и вѣчно юнъ,

Весель, легокъ, будно ппашка,

Скоръ, какъ дросшій перушъ.

Спрекоза, мой конь релливый,

Вѣрный конь, — зову! сюда!

Унеси меня туда,

Въ край свободный и счастливый,

Въ край лучей и грозъ и бурь,

Въ безпредѣльную лазурь!

(Кикимора исчезаетъ; Ижорскій закрываетъ лице руками,
и поспѣшно уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Врянскій лѣсъ. Русалки качаются на деревьяхъ; *Кикимора*;
пономъ *Илжорскій*.)

ХОРЪ РУСАЛОКЪ.

Смотряшь внизъ густыя тучи;
Чей-то голосъ въ мракъ бродишь; —
Лѣшій пушниковъ заводилъ:
Дикъ и страшень боръ дремучій.

* * *

Здѣсь и днемъ глухая ночь;
Не быть слышенъ здѣсь ошъ вѣка
Стукъ сѣкиры дровосѣка:
Звѣрь бѣжитъ ошселъ прочь;
Здѣсь обременъ челоуѣка
Дрожь, нѣмага мрака дочь.

* * *

Здѣсь ничей насъ не тревожитъ
Любопытный, дерзкій взоръ:
Къ намъ пропикнутъ въ чернѣй боръ
Только оборотень можеть.

ОДНА РУСАЛКА.

Но что я вижу? Ловчій дерзковенный
Сюда зашелъ! и не содрогся онъ,

Когда съдаго Пана тяжкій спойъ,
 Споуспшымъ, дикимъ гуломъ повмороенный,
 Возспалъ предъ нимъ при входѣ въ нашъ предѣлъ!
 Онъ спраха онъ не палъ? не помершвѣлъ?

Д р у г а я .

Когда предъ нимъ стуспшлись шуманы,
 Когда изъ нихъ призраки — великаны
 Подъялись, нашъ полкъ спорожевой,
 Стояли, возвышались надъ древами
 И длинными махали рукавами:
 Уже ли тогда при входѣ въ нашъ предѣлъ
 Онъ спраха онъ не палъ, не помершвѣлъ?

Х о р ъ .

Ужели онъ при входѣ въ нашъ предѣлъ
 Онъ ужаса не палъ: не помершвѣлъ?

К и к и м о р а ,

Бросыше же вздоръ романническій,

Гнѣвъ прекратилие лирическій;

Но удивляюсь и самъ я:

На чудака погляжу,

Можетъ, узнаю: и вамъ я,

Кино эпосъ ловчій, — скажу.

1. Р у с а л к а .

Скажи, скажи, любезный братецъ!

Между людьми вѣдь ты живалъ:

Бышь можетъ, гдѣ его встрѣчалъ.

Смотри, какой нахаль,

Какой наглець и свяшопашецъ!

В с ѣ .

Какой наглець и свяшопашецъ!

Какой нахаль!

Между людьми вѣдь ты живалъ:

Кто онъ? скажи: любезный братецъ!

Кикимора. (Смопринуть съ дерева.)

Ижорскій, ты ли? старый другъ,

Какъ измѣнился ты! Какъ исхудалъ ты вдругъ!

Какъ блѣденъ! дикъ пивой знатъ по медленнѣй, по шибкой,

Усна искажены извѣщельной улыбкой,

Въ лицѣ, въ движеніяхъ нягоспный недугъ.

Бѣднѣжка! — нѣтъ, теперь живыхъ нѣтъ ощущеній

Не думаешь искасть, копорыхъ ты искалъ;

Оправою наипланный кикимора

Въ груди пивоей, кикимора безумя и мученій;

Въ пивоей бушпующей крови

Весь пламень яроспной, неспновой любви,

Весь пламень ревности — и нѣтъ побѣ надсжды!

Вы, люди, жалкіе неспжды:

Почпо зовете насъ духами зла и нѣмы?

Союза вашего не нѣтъ мы:

Надъ чловѣчествомъ не возносиптесъ сами;

А намъ, — къ чему намъ связывантесъ съ вами?

Воптъ презрѣлъ данное ему судьбой,

Желалъ того, что смерпному не въ силу —

И сокрупилсѣ подо мной

И клонилсѣ въ разверспую могилу!

Но вѣдайте, друзья,

Его сгубилъ не я;

Его сгубила собспвенная гордоспъ:

Орломъ не будентъ муравей во вѣкъ,

И грязи не дана алмаза пивѣрдоспъ;

Бытъ демономъ не думай чловѣкъ.

Хоръ Русалокъ.

Его сгубила и прочъ.

Кикимора.

Молчите, поспомели!

Вы мнѣ рѣзанами своими надоели:

Вы хуже Русскихъ приемачей,

Которые не разъ меня бѣсали;

Вѣкъ то швердять, что имъ друзья ихъ натвердили,
А ради присягнувъ: » не крадемъ у друзей! «

Спиши ихъ рвотное для спраждающихъ ушей.

Да мы оставимъ ихъ и съ вышины древесной

Послушаемъ знакома моего:

Ручаюсь, будетъ монологъ чудесной;

Вѣдь звали жъ въ свѣтѣ уминомъ его.

Кикимора.

Послушасъ, послушасъ его!

Ижорскій (облокотясь объ ружье.)

1.

Съ ружьемъ блуждаю одинокій,

Взведенъ убійственный курокъ;

Неупомимый я спирѣлокъ,

Ловець суровый и жестокій.

2.

Слѣжу медвѣдей и волковъ;

Меня жъ слѣдитъ, не отдыхая,

Всегда, повсюду боль живая

И гонитъ въ пѣмъ изъ пѣмъ лѣсовъ.

3.

Какъ трупъ, ожившій средь могилы,

Такъ, содрогаясь, ожилъ я

Для чувства муки бышнѣй;

Я рвусь — нѣтъ, нѣтъ спасенія силы!

4.

Увы! испилъ я лютой ядъ,

Оправу спрашивъ безнадежной;

Ношу въ груди моей мясоедной
Всѣ муки ревности, весь адъ

5.

Люблю и вмѣстѣ презираю;
Клянусь себя, но все люблю:
Кто выразишь, что я шерилю?
Кто выскажешь, какъ я спрадаю?

6.

Огнемъ свирѣпымъ спала кровь;
Какъ на горѣ ужасной, холодной
Терзалъ Тилана коршунъ жадной,
Такъ я растерзанъ, о любовь!

(Помолчавъ.)

Въ темную глушь, спсрадалецъ, убѣгаю
Отъ рода омерзѣвшихъ мнѣ людей;
Такъ! люди хуже дикихъ пѣхъ звѣрей,
Которыхъ здѣсь напрасно поражаю.
Бѣгу — по всюду гибельный призракъ
Въ прозрачной тѣмѣ мелькаешь предо мною;
Онъ, гладный, кормился моею душою:
Волще скрываюсь въ неприступный мракъ;
Вездѣ, всегда Сирены образъ вижу,
Которую люблю и ненавижу;
Ея лице явленъ мнѣ луна,
Ее встрѣчаю я во всей вселенной,
Все для души моей обвороженной —
Заря и солнце, день и ночь — она.

Она — въ зѣфирѣ каждомъ дышишь,
Со мною шепчетъ въ шелестѣ листовъ;
Падешь ли что? — во шумъ ея шаговъ;
Мой слухъ ее въ ручьи и въ ширь слышишь.

Часть I.

Когда жъ заблещешь ранила роса,
Тогда ея густые волоса
Я обоняю въ муравь душистой,
Тогда въ росинкѣ каждой серебристой
Навстрѣчу мнѣ горнишь ея глаза.
Она — о спрахъ! о радость и мученье!
Теперь же, въ это самое мгновенье,
Сквозь слезы улыбаясь и стеча,
Вопь съ каждой вѣтки смолришь на меня!
(Убгаешь.)

К и к и м о р а.

Онъ бредить не нушемъ, сесприцы!
Вѣдь сумасшествіе его печаль:
Признайся вамъ — его мнѣ жаль . . .
Какъ? жаль! а скажунъ что чпеды и чпиды
И крипики, когда прочпунъ,
Чпо пожатель о немъ я? — кешанъ ль?
Кто? я? Кикимора, бсснокъ, шунъ и плунъ,
Метиспофеля подражатель?
Къ несчастью данъ характеръ бсса мнѣ;
И вопъ воскликнешъ хоръ ихъ синоязычный:
» Характеръ злой, черпямъ приличнй,
» Черпеннокъ долженъ выдержанъ вполнѣ.«
Чпо дѣлашь, другъ? вопъ, видишь ли? не смѣю!
Жалеть хотѣлось бы мнѣ о тебѣ;
Но не угодно по Журналамъ и судьбѣ:
И шакъ, любезный, не жалѣю.
И въ самомъ дѣлѣ поваръ былъ бы гаунъ,
Который, самъ свернувъ цыпенку шею,
Надъ нмъ бы плакашь спалъ? нѣтъ, брашъ — цыпеннокъ,
въ сунъ!
А человекъ, игралице волненій,

Когда его покинешь жизни гений,
Въ могилу, смрадный трупъ!
Пока жъ еще въ немъ сердце бьется,
Пока еще спадаетъ и мается,
Попробуемъ игрой его спарасшей;
А дабы кое что прибавить къ нашимъ знаньямъ,
Его подвернемъ разнымъ испытаньямъ;
Насъ извиняетъ же примѣръ самихъ людей:
Для расширенія границъ науки
Они жъ вѣдь рѣжутъ на куски червей,
Вѣдь попрощаютъ живыхъ пернатыхъ и звѣрей;
Такъ точно наши опыты и шутки
Обогащаютъ Физику чертей.
(Бука вдругъ выходитъ изъ-за пил.)

Р у с а л к и.

Сесипицы, Бука! ай! (прятутся.)

Ex bibl. univ. Dorp.

Б у к а.

Да, Бука! я васъ, шлюхи!
Нѣтъ, вѣрно, розогъ у Яги-Спарухи:
На всѣхъ мамзели еляхъ и дубахъ
Качаются; не держишь ихъ въ рукахъ!
Что, краспобай! пустился въ разсужденья?
А Буки не ждалъ? Если хвалиться чѣмъ!
Да ты, я вижу, поглупѣлъ совсѣмъ;
Забывъ уроки всѣ, всѣ наставленья,
Которыя тамъ, въ школѣ чертешаешь,
По книжницъ ученѣйшаго бѣса,
Профессора дешицы, вамъ твердятъ.
Такъ мало же я съкъ тебя, новѣса!
Ижорскаго съ ума свелъ — удружилъ!
Я развѣ этому тебя училъ?
Не скорби, не болѣзни, не спраданья,

*

Нѣтъ, сударь, пресупленья, злодеянья
Крылатъ въ подлунномъ мѣрѣ власть чершей.
Одно у насъ оспалоса орудье,
Конгорымъ вызываемъ правосудье
На племя ненавистныхъ намъ людей —
Грѣхъ! и грѣхомъ, какъ съшью или мрежей,
Мы шащимъ въ адъ Адамовыхъ дѣшей.

А ты

(Кикимора хочеть что-то сказать.)

Еще оправдываться смѣй!
Молчать! ты совершеннымъ спалъ невѣжей!
Безъ помощи другихъ духовъ, смотри,
Что самъ испортишь, самъ изволь поправить;
Твоей хочу я списи поубавить:
Чтобы до ранней, упренней зари
Въ немъ сумасшесивья не было и слѣда!
Не то — онъ насъ подаѣ удери:
Надѣюсь, знаешь Буку людоеда!

(Уходитъ.)

Русалки (выглядывал.)

Кикимора, ау!

Кикимора.

Чего хопише? ну!

1. Русалка.

Кикимора, ушелъ ли Бука?

Кикимора.

Ушелъ.

2. Русалка.

Какъ спрашенъ онъ! онъ одного ужъ звука
Такого голоса мы все еще дрожимъ.

3. Русалка.

Про что, голубчикъ, говорилъ ты съ нимъ?

Кикимора.

Не я съ нимъ говорилъ, онъ говорилъ со мною,

И раскусилъ мнѣ далъ такой орѣхъ,

Который . . . Но мнѣ спѣхъ:

Прощайте вы; пушусь надучею звѣздой,

Слечу къ Вавилѣ колдуну;

На перекресткѣ онъ, какъ полночь, такъ ворожишь.

Я шарика на разумъ напюлку;

Надежда на него; Вавила мнѣ поможень!

(Улетаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2.

Изба крестьянина Богдана; Богданъ съ женой
и съ дѣтьми за ужиномъ.)

Богданъ.

Къ обѣду каша, къ ужину грибы:

Еще мы Богомъ не были забытыхъ.

Что дѣши? сыны ли?

Дѣти.

Спасибо, няня! сыны.

Богданъ.

Такъ встаньте же, перекрестните лбы,

Ложитесь спать вы — нушка!

Да накорячила ты шелянь, Мареушка?

Дочь.

А какъ же.

Богданъ.

То-то же! ну, конченъ день шеперь.

Куда ты, Оомка?

С ы н ь.

Зачиню я дверь.

Вавила (входя)

Не зачиняй, вступи, Оома Богданъ!

Б о г д а н ь.

Сосѣдъ Вавила! ты зачѣмъ забрелъ?

В а в и л а.

Въ извозѣ былъ я, ворошился на ночь;

Огня ужъ въ ханѣ не нашелъ;

Придется завтра показати Марину:

Такъ одолжи же, засвѣчу лучину.

Д ѣ т к.

Колдунъ Вавила! у!

Б о г д а н ь.

Огня

И не проси ты у меня:

Ты на спрашивной у Москолска

Вопъ также бралъ огня,

А къ вешнему Николѣ ни коня

Не спало у него, ни свинки, ни теленка.

В а в и л а.

Не дашь огня?

Б о г д а н ь.

Не дамъ.

В а в и л а.

Такъ помни жъ: я Вавила!

Сынокъ швой, дочка, смернь какъ хороши!

Меня не любишь — пусишь! люблю ихъ безъ души.

(Уходитъ.)

Б о г д а н и х а.

Охъ! крещиная да будетъ съ нами сила!
Онъ похвалилъ ихъ! душь, да плюнь! бѣда!
За чѣмъ его впустили мы, сюда?

Я В Л Е Н І Е 3.

(Полночь, перекрестокъ; Вавила ворожить.)

В а в и л а (клацая на всѣ четыре
стороны.)

На востокъ разъ, разъ на западъ,
Разъ на сѣверъ, разъ на югъ
Обернуся, поклонюся:
Сванъ востокъ мнѣ, сѣверъ другъ,
Западъ! я шебя держался,
Югъ! съ тобой я побрастался.

* * *

Духи ночи, духи смерти,
Духи ада, духи зла,
Быль ошець слугой вамъ, черни!
Вѣдьмой машь мой была;
Сынъ опрекся онъ крещенья:
Я ихъ сынъ — вамъ рабъ съ рожденья.

* * *

Проклялъ я ошца роднаго,
Проклялъ я родную машь,
Проклялъ, чшо ни ешь сванаго,
Бросилъ крестъ и благодать:
Вашъ я, вашъ; мнѣ помогите,
Родъ Богдана истребите!
(Падаетъ звезда; ударъ грома: передъ Вавиломъ
снѣгъ Кикимора.)

К и к и м о р а.

Что, красноглазый, ты развился какъ?

Выпьемъ пугаешь полуночный мракъ.

Чего желаешь?

В а в и л а.

Много чести,

Кикимора! — скажу безъ лести:

Не спую, право, я того,

Чтобъ умникъ ты, любезникъ и повеса

Послушать зова моего;

Довольно было бы и худенькаго бѣса

Изъ мелкихъ, изъ хромыхъ мнѣ старику;

Мужикъ простой я, безъ зашѣй, безъ чванства,

Дворянчикъ ты изъ адскаго дворянства:

Мнѣ ль знался съ господами, мужику?

К и к и м о р а.

Смирнѣнчай! ты клушь, Вавила, клушь извѣстный;

Да вѣдь меня не проведешь:

Другихъ бѣсовъ не призовешь;

Всѣ заняты . . . Мнѣ вѣдомъ подвиговъ честный,

Который хочешь совершить:

Людской же жизни лишь

(Такъ неподвижными положено Судьбамъ)

Распорягуясь можемъ мы людскими лишь руками.

Пріѣхалъ, опивчай: жадаешь ли подь кнушь?

(Самъ видишь, я тебѣ не разспавляю съни!)

Тогда сегодня же Богдана дѣши

Подь испоромъ своимъ — не иначе! — умрушь.

В а в и л а.

Клушь? нѣтъ! не хочется подь кнушь. Ну, корчу

Пашли на нихъ!

К и к и м о р а.

Я ихъ испорчу;

Но долтъ, самъ знаешь, красенъ плашежемъ:
Въ волка тебя на часикъ обернемъ.

В а в и л а.

Прошу покорнѣйше! Какія предложенья!

Какія выдумки у этихъ чертенятъ!

А что, когда меня собаки заѣдятъ?

К и к и м о р а.

Что? заѣдятъ тебя зубами безъ сомнѣнья,

Да нѣтъ: не шпрусъ! тебя я сберегу:

И ноги подкошу собакамъ на бѣгу,

И проведу всѣ нули мимо;

А былъ волкомъ тебѣ необходимо

И даже прибыльно — вопъ видишь, почему:

Ты службу барину сослужишь своему.

В а в и л а.

Ижорскому?

К и к и м о р а.

Ему.

В а в и л а.

А какъ?

К и к и м о р а.

Да слушай!

Какъ будешь ты волкомъ, овецъ не кушай,

Въ сосѣднѣй дворъ

Не лезь черезъ заборъ;

Нѣтъ! помчася онпправляйся въ боръ.

Въ бору Ижорскѣй, словно Каинъ, бродить,

Вздыхася, рвешся, мелешь вздоръ,

Тоску, зѣвошу, сонъ на лѣшихъ всѣхъ наводишь;

Съ нимъ вспрѣтисья — вступи съ нимъ въ разговоръ:

(Каковъ онъ, онъ него скорѣ волку

Добишься шолку,

Чѣмъ людямъ: онъ бѣжитъ людей
И всякій человекъ въ его глазахъ — злодѣй)

Скажи ему: » влюбленъ ны, примѣчаю,
» А какъ помочь тебѣ, повѣрь мнѣ, знаю! «
Онъ назовешь — тебѣ вошь слово я даю —

Красавицу свою;
Какъ будешь имя знаешь, извѣстнымъ наговоромъ
Взволнуй дѣвчонки гордой кровь;
Надежда на ся любовь

Излечить чудака: онъ деньгами, какъ соромъ,
Тебя осыплетъ; славко будешь жить,
Надъ спаросшой смѣяться и десляскимъ,
И сладко ѣшь и сладко спишь,

Всѣхъ въ зависть приведешь кафаномъ хванскимъ.
И

В а в и л а .

Бышь лаякъ: по рукамъ! смотри же, не солги!

Кикимора (кладя руку на голову Вавилъ.)

Будь волкомъ волкъ! душой ны волкъ: къ волкамъ бѣги!

(Вавила оборачивается въ волка и бѣжитъ въ лѣсъ.)

Исчезнуть? нѣтъ! еще мнѣ слово

Почтенной Публикѣ желается сказать.

На эту сцену вошь какъ спануть возражать:

Сосѣдъ сосѣду скажетъ: » безполково!

» Къ чему Кикиморъ къ Вавилѣ прибѣгать?

» Какъ будто онъ не духъ? Онъ долженъ бышь сильнѣе,

» Умѣе, чѣмъ колдунъ.

Такъ точно! но Ижорскимъ вѣдь по шев

Быль прогнать бы шалунъ,

Когда бы гдѣ съ нимъ встрѣнился. Къ тому же

Гораздо бышь могло бѣ еще и хуже:

Ижорскаго кольцо забыли вы?

Онъ имъ любого духа свяжешь:
Что ежели еще служишь себѣ прикажешь?
Нѣтъ! лучше жить въ дуплѣ кумы моей, совы!
Тогда — (пу, знаешь! въ концѣ вѣпораго акша)

Онъ память потерялъ съ серцовъ:
А по бы безъ условья; безъ коншракша,
Но радъ, да будь гошовъ,
Покорень будь во всемъ его капризной волѣ,
Доколя.

Онъ самъ себя не стонинъ за порогъ.
И такъ, да будешь приговоръ вашъ спрогъ,
Но разсудинишень! Вышманья
Причины удостойте, коимъ я
Никакъ не могъ прошивинься, друзья!
Теперь исчезнуть можно: до свиданья!
(Исчезаетъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Ночь; лѣсъ; Кикимора сидитъ на деревѣ; Ижорскій
слѣдитъ волка, ширьзаетъ; пуля мимо.)

В о л к ъ.

Напрасный шрудъ! швой все пули,
Меня не пронувъ, мимо прожужжашъ.

И ж о р с к і й.

Ты шушинъ или въ самомъ дѣлѣ, бранъ?
Вѣдь, кажешся, шѣ времена минули,
Когда медвѣдь, баранъ, лисица, волкъ и конъ
Съ людьми вспунали въ разсужденья
И размышлялъ о просвѣщенъ крошъ.

И дубу спросишь чинала поученья.
Ты волкъ, а говоришь, какъ человекъ!

А впрочемъ не дивлюсь: въ нашъ вѣкъ

Волками люди спали;

Такъ опъ чего жъ не быль людьми волкамъ?

Волкъ.

Мудрецъ, примѣръ ны мудрецамъ!

Не знаю я, съ досады ли, съ печали,

А судишь здраво и умно:

Я по же думалъ ужъ давно.

Былъ человекомъ я, да вошь: кривые ноги,

Прищепорство, лицемѣрство, ложь

Меня взбѣсили наконецъ — и что жъ?

Людей я бросилъ и — завербовался въ волки.

Ижорскій.

Ты человекомъ? . . .

Волкъ.

Былъ. Но изъ любви одной

Ко благу ближнихъ, къ истинѣ святой

Спалъ волкомъ.

Ижорскій.

Что какъ?

Волкъ.

Объ этомъ послѣ. Ты же,

Какъ разсмотрю тебя поближе,

Сдастся мнѣ, Ижорскій.

Ижорскій.

Такъ.

Да ты кто? говори, чудакъ!

Волкъ.

Узнай-ко!

Съ шобой я былъ знакомъ.

И ж о р с к и й.

Подумать должно Прокуроръ Хвашайко?

Вѣдь онъ и прозванъ былъ волкомъ.

Нѣтъ! — ну, Воровъ, Кварпальщій Надзирашеть!

Что жъ и не онъ? А! вошь я онгадашь:

Фирюлинъ, Вѣспинка Луны издашеть!

Не онъ ли всякаго, кому Создашеть

Хоть нѣсколько ума и дарованій дать,

Лишь въ силу, лишь бы могъ, схватилъ бы и сожралъ?

Не онъ? не ужшо? пусшакъ, пріащеть!

Признайся, ты Фирюлинъ!

В о л к ъ.

Да, пональ!

Кто я? не скоро, вижу, онгадаешь:

Переѣмнися я; и ты не то, что былъ;

Бывало, ты хохочешь — вошь вздыхаешь;

Ты цвѣлъ, какъ макъ цвѣтъ — вошь блѣденъ и унылъ.

Влюбленъ ты, примѣтаю;

А какъ помочь тебѣ, повѣрь мнѣ, знаю.

И ж о р с к и й.

Помочь мнѣ? мнѣ?

В о л к ъ.

Тебѣ; и, видишь ли? Судьбѣ

Угодно, чтобы я помогъ тебѣ.

И ж о р с к и й.

Да кто же ты?

В о л к ъ.

Какъ будшо въ эпюмъ сила?

Ну, я не лѣшій, не мершвецъ;

Не лѣвайся, признаюсь, мой отецъ:

Я швой крещьянинъ, я — колдунъ Вавила.

И ж о р с к и й

И ты, ты мне помочи гонимыйся, глупецъ!

В о л к ъ.

Вотъ что-то, Господа, вы черезъ чуръ спѣсивы!

Чшо лапши носишь и шулунъ

И бороздишь сохою ваши нивы,

Всегда въ глазахъ Боярскихъ просишь и глаунъ;

А между тѣмъ . . . Да чшо! молчи, Вавила!

Ты говоришь, а онъ

Руками рѣжешь воздухъ и воронъ

Съ кушновъ сгоняешь! . . .

И ж о р с к и й (про себя)

Чшобъ меня любила,

Чшобъ о взаимности сама меня молила . . .

О! если бъ эшо бытъ могло!

Нѣтъ! нѣтъ! я не воздаю бы зломъ за зло!

Ахъ! при одной уже мечтѣ блаженной,

Чшо Лидією несравненной

Могу любимымъ быть, чшо я

Могу сказать ей: » ты моя! «

Забыто все, обманъ, предательство, притворство,

Все, чшо меня сираднью обрело.

Такъ, сердце, не совсемъ еще ты черство,

Не вовсе мертво ты! — ты снова разцвѣло;

Къ ней изъ груди моей ты рвешься, къ незабвенной....

(Волку.)

Вавила, ты беднякъ презрѣнной,

Ты всѣмъ ненавидимъ и гонимъ;

Но если бы ты могъ — клянуся Имъ,

Чѣ имя оба мы произнесши не смѣемъ!

Хотя бъ ты былъ злодѣемъ,

Чертѣйшимъ изъ людей — нѣтъ, для тебя
Не пожалѣлъ бы я и самого себя! —

В о л к ъ.

Ты много общаешь, баринъ!
Надѣюсь, будешь благодаренъ.
Все сделаю: награды жъ никакой
Я не желаю, кромѣ вошь какой.
Мнѣ годъ позволь прожить съ шобой.

И ж о р с к і й.

Со мною годъ прожить? — ты не Вавила!

В о л к ъ.

Еще разъ повшорю: какъ будно въ этомъ сила?

Вавила? нѣтъ ли? дай ошвѣтъ:

Что? ты согласенъ или нѣтъ?

Не бойся, я скучаю тебѣ не спану:

Я знаю, вреденъ вашей браньи свѣтъ;

Ужъ вы привыкли къ сумраку, туману.

Предвѣстникъ мой навѣчивъ былъ и скорь,

Проказничаль, мололъ вчасную вздорь;

Я не шаковъ: повѣрь, молчаю умью;

Хотя бы видѣлъ, сломишь шею —

Какое дѣло мнѣ? я пивой слуга, служу,

Молчу; а развѣ ужъ захочешь, спросишь:

Тогда конечно правду всю скажу.

Повѣрь, меня полюбишь, самъ не бросишь!

Что? какъ? рѣшилъ ли?

И ж о р с к і й.

Рѣшися: на годъ пивой.

В о л к ъ.

И такъ, шеперь спунай домой;

А я — принаряжусь. Вошь видишь ли, любезный.

Я даже подиши не требую ливоей;
Самъ видишь, дѣмѣтъ я и скромный и полезный!

(Уходитъ *Ижорскій*; Волкъ превращается въ *Шинимору*; — *Кикимора* сходится съ дерева.)

К и к и м о р а.

Шинимора! меня онъ обмануль злодѣй!

Ш и ш и м о р а.

Каковъ Вавила красноглазый?

За шулки прежніа, за прежніа проказы
Онъ, кажется, шебѣ исправно заплапиль.

Ужъ таскаетъ блескъ предупрежденныхъ свѣтъ,
Ужъ ранніе въ лѣсу проснулись звуки:
Ты жъ не исполниль приказанья Буки!

К и к и м о р а.

Помилуй! что? Ижорскій вѣдь здоровъ.

Ш и ш и м о р а.

Ай, молодецъ! всегда ошвѣтъ гошовый!

Здоровъ, какъ могутъ люди быть здоровы:
(У нихъ-де вошъ и все различье опъ скошоевъ;
Что нѣтъ межъ нихъ несумасшедшихъ

И не было въ вѣкахъ прошедшихъ

И въ будущихъ не будетъ: ужъ таковъ

Весь родъ ихъ). Но каковъ

Теперь Ижорскій — ихъ на свѣтѣ много.

Судишь не будемъ слишкомъ строгаго:

Положимъ, онъ здоровъ;

Да намъ скажи, нашъ умникъ, нашъ запѣйникъ,
Кто вылечилъ его? не я ли, вашъ дуракъ,

И вашей браться забѣлкъ

Всегдашній мученикъ? И такъ,

Пукъ розогъ, плешь, ошейникъ

Колодка или что подобное тому

Васъ ожидаетъ, — видно по всему.

Я не злопаманилъ, я добрый малой

И расскажу тебѣ, пожалуй,

Какъ я собой Вавилу подмѣнилъ.

Вавила, видишь, вышелъ онъ Богдана,

Я зналъ, что часъ его пробилъ

И подспереть его надъ рѣчкой у Кургана,

Едва онъ на доску — и доску я пихнулъ,

Упалъ онъ въ воду, крикнулъ, пошонулъ

А лѣсу здѣшняго Султанъ ревнивый, Гулъ,

(Ты у него отбилъ двухъ или трехъ Русалокъ),

Что хочешь къ колдуну мнѣ между тѣмъ шепнулъ

Онъ всей души тебѣ желалъ наложъ, —

Не ради месни, для своего жъ добра, —

Я въ лрунъ вселился, спалъ Вавилой

И обманулъ тебя на перекресткѣ, милой!

Раздумай это все: а мнѣ ниши кора.

(Уходитъ.)

К и к и ж о г а (однѣ.)

И шакъ, любезный другъ, чинашель или зринель,

Съ побою глазъ на глазъ

Мы видимся въ послѣдній разъ:

А шамъ за сценой мой сердитый повелитель!

И знашь не лзя, (сказалъ, бышь можешь, правду плушь)

Меня и впрямъ порядкомъ опдерушь!

Когда же на тебя еще навель я скуку,

Тогда ужъ самому просишь придется Буку,

Чтобъ онъ меня поспроже наказалъ.

Но если два — три правды я сказалъ, —

Ихъ можешь бышь еще не знаешь всякій, —

Ты мнѣ просни и шуповшво и враки

Часть I.

Для конхъ, самъ я чувствую, въ нашъ вѣкъ
Ужъ не довольно молодъ человекъ.

Иду; ниому уступаю духу:

Онъ будетъ въ страхахъ очамъ пивомъ,

Онъ будетъ въ ужасъ слуху.

Но, чтобы ни свершилось имъ,

Все приготовлено да не забудешь упою:

Я, помни, овладѣлъ Ижорскаго душою,

Я ненависть въ него излилъ

Къ людскому племени, въ немъ вѣру погасилъ

Въ невинность, истину и добродѣтель;

Вотъ почему вина я и содѣлалъ,

Источникъ первый злодѣяній ихъ

Которыя въ плачь преобразили швой смѣхъ

И препенный воздвигнешя швой волосъ —

И задрожилъ Поэта робкій голосъ

И скажешь онъ испуганнымъ друзьямъ

Безъ вѣры къ людямъ.

Отверженнымъ принадлежимъ духамъ

И на землѣ чудовищами будемъ!

Конецъ первой части.

И Ж О Р С К І Й.

Ч А С Т Ь П.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Левъ Петровичъ Ижорскій.

Князь Пронскій.

Княжна Лидія.

Графиня Шенепилова.

Весновъ.

Кондрать Максимовичъ Ковалекъ,

Фалалей Кузничъ Подпаломъ,

Анисимъ Павловичъ Весновицковъ.

} Помѣщики, сосѣди Ижорскаго.

Чесняновъ, управитель Ижорскаго.

Станціонный Смотритель.

Ашаманъ и при разбойника.

Слуги.

Духи и видѣнія.

Добрый Духъ.

Титаниа.

Аріель.

Бука.

Шинимора.

Квинмора.

Демонъ огня.

Знать и Саламандры.

Демонъ воздуха.

Демонъ моря.

Демонъ земли.

Заяць.

Дѣйствіе происходитъ болѣею частью въ помѣстьяхъ Ижорскаго и въ окрестностяхъ, кромѣ начала втораго акта, которое разыгрывается въ Петербургѣ и конца третьяго, происходящаго въ Новороссійскихъ степяхъ и на берегу Чернаго моря.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Почтовой домъ на землѣ Ижорскаго. Вечеръ. Слышится колокольный звонъ: пономѣрь входитъ Князь Пронскій, Лидія, Графиня и Смотритель).

Князь.

Скорѣе, лошадей!

Смотритель.

Прошу покорно васъ!

Въ разгонѣ лошади: повремените съ часъ.

Князь.

Повременить? и часъ? ниже одной минуты!

Ужъ эти мнѣ Смотрители! все плушны,
Разбойники.

Смотритель.

Не обижайте насъ:

Я Офицеръ, четырнадцатый классъ

Князь.

Челырнадцатый классъ! пусть будетъ хоть шридцатый.
А ешь ли чпо поужинашь у васъ?

Смотритель.

Есть: окорокъ и пребогатый.

Князь.

Пожалуй окорокъ сюда!

(Князь сѣднлся; передъ нимъ спавалтъ окорокъ и бу-
пылку вина.)

Смотритель.

Хорошаго вина бушылака?

Князь.

Да?

Ты малой, вижу, хоть куда.

Смотритель.

У насъ всегда найдется чпо въ запасъ;
Не при одномъ живемъ при хлѣбѣ мы и квасъ:
Не будь подъ часъ хорошаго куска,
И насъ самихъ возмемъ, Сударь, шоска.

Князь.

Ты говоришь умно и прямо мнѣ по сердцу.

Горчицы нтъ ли?

Смотритель (подаешь.)

Воть - съ.

Князь.

А перцу?

Смотритель.

Здѣсь.

Князь.

Почту держишь кно?

Смотритель.

Помѣщикъ.

Князь.

А зовунъ?

Смотритель.

Ижорскій.

Князь.

Левъ Пешровичъ!

Смотритель.

Опгадали - съ.

Князь.

Мы въ Пешербургѣ часно съ нимъ видались:
Философъ онъ, чѣмобъ не сказанъ мнѣ, шунтъ.
Здѣсь какъ живешъ?

Смотритель.

Не вытѣжаешъ,

Сосѣдей никого не принимаешъ,
По цѣлымъ сунікамъ запертъ, все одинъ;

Имѣнемъ правилъ спарый дворяннъ:
А вѣрнѣ ль? и онъ, что пужно, всѣ приказы
Находимъ письменно въ прихожей.

Князь.

Вотъ проказы.

Смотритель.

Такъ: онъ него

И слова не слыхалъ ни одного,
Съ его пріѣзда въ столицу
Ни Камердинеръ, ни козакъ,
Ни поваръ.

Князь.

Даже поваръ? Небылицы!

Смотритель.

Повѣрьте слову честному.

Князь.

Чудакъ!

Л и д и я.

Il est intéressant, mon père.

К н я з ь.

Intéressant? il est timbré, ma chère.

Г р а ф и н я.

Intéressant ou bien timbré : toujours

C'est à vous qu'il le doit.

Л и д и я.

А moi?

Г р а ф и н я.

Oui, mes amours.

Л и д и я.

Ah! Vous me tourmentez sans cesse.

Ne finirez Vous donc jamais, Comtesse?

Г р а ф и н я.

Finir? pourquoi?

Ce jeu me plait à moi.

К н я з ь.

Опъ, спало, никогда изъ дому не выходить?

С м о т р и т е л ь.

Выходить: по почамъ въ лѣсу сосѣднемъ бродить

Съ ружьемъ; а не видалъ еще никно,

Чшобъ изъ лѣсу принесъ хонъ зайца.

К н я з ь.

Чшо?

С м о т р и т е л ь.

Болшають старожилы,

Чшо шамъ печисшыя всегда водились силы

Я эному не вѣрмъ ни чему . . .

(Въ Губернской я Гимназиі воспитанъ,

Живалъ въ Орлѣ, въ Москвѣ, довольно и начинанъ,

Не суевѣрь); — по видно по всему . . .

Не даромъ, — вамъ сказано короче,
Въ лѣсу проводишь Левъ Пестровичъ ночи!
И шарика видали съ нимъ и . . .

Князь.

Вздорь!

Смотритель.

Вы жъ слышали: я самъ не вѣрилъ по сихъ поръ,
Но . . .

Князь.

Я жъ скажу тебѣ безъ прибаутокъ;
Шарикъ знакомъ мнѣ; онъ Ижорскаго дуракъ.

Смотритель.

Нѣтъ, ошибаешься не какъ:

Ижорскому, ну право, не до шутокъ.

Онъ шакъ унылъ, шакъ блѣденъ, шакъ изсохъ,

Что самый лучший скоморохъ

Вѣднѣжку разсмѣшишь, ей Богу, не успѣешь!

Онъ плаешь, исчезаешь, плывешь

И скоро мы его

Свяжемъ и . . . барышня блѣднѣешь!

Помилуйте, что съ вами?

Лидія.

Ничего . . .

Кружился голова — съ дороги. —

Князь.

Mon Dieu! тебя не держанъ ноги!

Ma piѣсе, подайте руку ей.

Смотритель.

Пожалуйте къ женѣ моей:

Тамъ можете раздѣться; отдохните.

Князь.

Графиня, отъ все, прошу, не обходишь.

(Выходитъ Лидія и Графиня, за ними Смотритель.)

К и л я з ь (одна, не вспава-нъ за спола.)

Ужъ эти жепицы! чудесницы, ей, ей!

Вдругъ въ обморокъ . . . съ чего? прошу покорно!
Съ дороги? — можешь быть. Но ихъ причудъ, зашѣй

Не перечесть и лучшей грамошѣй:

Вдругъ вадумаюшь и — ангеломъ злодѣй!

Вдругъ закричаешь: ужасно, гнусно, черно!

Вдругъ то же самое прекраснымъ назовушь! —

Ижорскій? вѣдь Амуръ проказникъ, плутъ:

Быть можешь, именно опыты его не ждали;

Къ тому жъ, (какъ намъ Кузицы рассказали)

Горячка, бышенство, запытые ума,

Примѣты романтической печали

А сверхъ того, кто знаетъ? и сама

Къ нему и передъ тѣмъ силѣе привязалась,

Чѣмъ мнѣ послѣси признавалась

Какъ бы то ни было, душой я былъ бы радъ,

Когда бъ Господь послалъ мнѣ въ эпомъ злѣе казнь.

Богаиство, говоряшь, и вздоръ и предразсудокъ,

Но вѣрше мнѣ, не вздоръ пушой желудокъ;

И честию уверяю васъ,

Когда вошь поминулъ про хлѣбъ одинъ и квасъ,

По жиламъ пробѣжалъ мнѣ вдругъ огонь и холодъ,

И былъ я сынъ еще, а чувствовалъ ужъ голодъ!

Взявъ домъ мой за долги въ казну,

Въ опеку отдано имѣнье;

Въ деревню еду: скука и мученье!

Теперь досугъ мнѣ будетъ: на луну

Смотрѣть и сочинять эклоги.

И починая дороги

И книгу написать, хоть жиніе мое

И всѣхъ спарухъ и спариковъ содѣшля

Прилежно слушать мудрое вранье
И къ улучшенью пасивъ искашь въ газетахъ средства
И Петербургъ бранишь и славяшь шипшину,
Невинность и коровъ! — Какад перспектива!
Деревня для меня Японія и Хива
И хуже, чѣмъ Сибирь! — Забудусь - ко, засну.
(Засыпаешь.)

Я В Л Е Н І Е 2.

(Передъ почтовымъ домомъ; глубокая ночь.)

Ш и ш и м о р а .

Темнона, прищипна:

Заканчиваешь луна,

Померкнѣла природа

Тихо звезды горятъ,

Блѣдно звезды блестятъ

Средь небеснаго свода.

* * *

Демонъ, Демонъ огня!

Ты послушай меня,

Смертныхъ ужасъ и кара!

Ты явись предо мной,

Окруженный грозой,

Въ бурь, въ воѣ ножара!

Демонъ огня (являясь.)

Вихремъ мчнись меня огонь,

Мой репивый, добрый конь;

Раздается прусь и грохотъ ;
Эпо мой веселый хохотъ ;
Слышишь ли глушающій прёскъ ?
Волъ моихъ ладоной плёскъ !

* * *

Я мирно покоился въ твердомъ кремнѣ ,
Лежалъ беззаботный подъ насыномъ Лавы :
Вдругъ зовъ пивой могущій послышался мнѣ , —
И волъ я возсналъ , роковой и кровавый !
Чего ты желаешь , скажи , огнь меча ?
Чего ты желаешь ? я Демонъ огня .

Ш и ш и м о г а .

Воспали пожаромъ
Эпономъ спящій домъ ;
Гибельнымъ ударомъ ,
Яроснымъ крыломъ ,
Предсылая дымъ и страхъ ,
Обрани его во прахъ ?

Д е м о н ъ о г н я .

Вы , Саламандры , мнѣ внимайте ,
Услышите мой владычнй гласъ ;
Предстаньте : призываю васъ ;
Предстаньте , поспѣшите !

САЛАМАНДРЫ (вспыхиваютъ изъ подъ земли.)

О Царь ! ты призываетъ насъ ;
Мы слышимъ пивой владычнй гласъ :
Что намъ прикажешь , нашъ власшнтель ?
Разрушишь чью велишь обитель ?

Д е м о н ъ о г н я .

Опвалили съ бездны камень ,
Зачерпили въ безднѣ пламень ,

Въ шымѣ зажигише яркій свѣтъ:
Будь сей домъ въ огонь одѣтъ!

Саламандры.

Быль сей домъ — заупра нѣтъ!

* * *

Скорѣ, скорѣ!

За дѣло, за дѣло!

Дружите, живѣ!

Чтобъ дѣло кипѣло!

З н и ч ѣ.

Ты жги; ты свѣши; ты махай, а ты дуй;

Ты пламенный шокъ и мѣшай и полнуй:

Ты, брашъ, завивай среди рдѣной пучины;

Яжъ въперъ ревущій воздвигну съ равнины.

И въ полѣмъ гринешся радостенъ, яръ.

И къ шумамъ подышешъ блестящій пожаръ.

Саламандры.

Дружите!

Живѣ!

Чтобъ дѣло

Кипѣло!

З н и ч ѣ.

Чтобъ домъ въ океанъ горящемъ исчезъ;

Чтобъ наше по воздуху взвилося знамя,

Багровое, шумное, жадное пламя

До звѣздъ полуночныхъ, до самыхъ небесъ!

Саламандры.

Скорѣ и пр.

Ш и л и н о р а.

Одинъ кряхтитъ, другой надулся, будио мѣхъ;

Сверкающъ въ черной шымѣ чудовищныя лица,

Какъ съ наковальни жаръ, какъ быспрая зарница . . .

Попѣха! смѣхъ!
Работайте: пора! къ Ижорскому отправлюсь,
Надъ страхомъ гордаго безумца позабавлюсь.

Я В Л Е Н І Е 3.

(Ижорскій въ своей комнатѣ одинъ; входитъ Шинимора.)

И ж о р с к і й.

Что?

Ш и н и м о р а.

Ничего.

И ж о р с к і й (помолчавъ.)

Что я люблю,

Ты мнѣ клянешся и не лицемеришь?

Ш и н и м о р а.

Когда поверишь

Глазамъ своимъ

Сегодня изъ разныхъ обстоятельствъ

Довольно выведешь и сильныхъ доказательствъ,

Что ты любишь.

И ж о р с к і й.

Еще сегодня! какъ?

Княжна съ опцемъ въ сполницѣ . . .

Ш и н и м о р а.

Какъ не такъ!

Графиня и Княжна съ опцемъ брюханомъ

Почуюшъ у шебя въ деревнѣ.

И ж о р с к і й.

Что ты? здѣсь!

Ш и ш и м о р а .

На почтѣ Князь заснулъ на креслахъ за спяканомъ.

А дочь ты на еяль мнѣ жаловался спѣсь?

Про Льва Петровича рассказывалъ Смошринель;

Поддѣйствовали на Книжку слова:

Вдругъ дурно, — закружилась голова . . .

(Хорошій вѣрно былъ Рипорики учинель

Въ Гимназіи Губернской!) вопль она

Теперь, лишенная утѣхъ, надежды, сна

Въ свѣтелкѣ по шебѣ, по миломъ споненъ, плаченъ.

И сердце у тебя ошъ радости не скачетъ? —

И ж о р с к і й .

Здѣсь Лидія, въ двухъ ошъ меня шагахъ.

И съ нею я не свижусь ахъ!

Ш и ш и м о р а .

Не свидишься?

И ж о р с к і й .

Не свижусь, передъ нею,

Нѣтъ, не свижусь! Если бы и рай

За то мнѣ былъ наградой, не счишай

Она меня игрушкою своею!

Ш и ш и м о р а .

И ты рѣшился?

И ж о р с к і й .

Да.

Ш и ш и м о р а .

Ну, яжъ о ней сожалѣю:

Сгорилъ бѣдняжка.

И ж о р с к і й .

Лидія сгорилъ?

Ш и ш и м о р а .

И безъ метафоры; нѣтъ, просто, въ самомъ дѣлѣ.

Должно быль видно и опселя . . . (Смотритъ въ окно.)

Такъ точно: коня блестяща

Тебѣ любезнѣйшему другу

По мѣрѣ данныхъ мнѣ способностей и силъ,

Я было вздумалъ, оказать услугу:

На почтѣ я пожарецъ разложилъ;

Хотѣлъ, чѣмъ бы ты предсталъ ей, какъ спаситель,

Чѣмъ бы вынесъ героиню изъ огня

Оставилъ: пусть горитъ! Успалъ я; вы поспите - ль?

Покой бы нуженъ былъ и для меня.

И жорскій.

Будь проклята ты! — Пожаръ! эй, люди! эй, коня!

(Входитъ слуги.)

Скорѣй на почту! — Почта запылала!

Коней! — чѣмъ бы вы издохли! мнѣ коня!

На почту — говорю, — всѣ съ велика до мала!

Прѣзжіе . . . спасите ихъ!

Коня! коня! — не спало силъ моихъ!

Слуги (вбѣгая и выбѣгая.)

Пожаръ! пожаръ! на почту!

Одинъ изъ нихъ.

Лошадь, баринъ,
Гошова.

И жорскій.

Благодаренъ!

За мной! туда, туда!

(Выбѣгаетъ; потомъ слышенъ конскій топотъ.)

Ш и ш и м о р а.

Умора! шумъ какой! какая суеда!

(Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Передъ почтою ; почтовой домъ пылаетъ : народъ толпится. — Впереди видны Графиня , Смотритель , жена его, спасенные ; Шипимора : потомъ является Ижорскій съ Княземъ, котораго выносятъ изъ пожара)

К н я з ь.

Тфу! было мнѣ тепло: боюся,
Не растопился ли — жирненьскъ — мой живошъ!
Безъ дальнихъ, безъ заботъ

Чуть не изжарили меня, какъ гуся.
Ну; Левъ Пепровичъ, хватай! скажешь, что молодецъ!
Спасибо! выручилъ! родной шь мнѣ ошецъ!

Дымъ! пламя! я кричу; горюшъ, пылаешъ;

Ужъ жаромъ духъ мой занимаешъ:

Вдругъ Левъ Пепровичъ прилетѣлъ

И вынесъ на плечахъ меня изъ ада.

Ш и п и м о р а (въ полголоса.)

Какъ не сломила плечъ подобная громада?

К н я з ь.

Спасибо! я здоровъ и цѣль.

И ж о р с к і й.

Отъ благодарности избавьте,

Князь; пустословіе оставьте! . .

Гдѣ? гдѣ Княжна?

К н я з ь.

Княжна?

Еще не спасена?

Такъ, братецъ, зналъ я, что меня шь любишь;

А чтобы предпочелъ меня Княжнѣ

Не думалъ я — и очень лестно мнѣ!

Часть II.

И ж о р с к і й.

Безумный! и отец! себя, несчастный, губишь!
Княжна гдѣ? знаешь ли, кто я?
Княжна гдѣ? или — (вошь рука моя!)
Тебя, пѣгодную и мерзосишную пошу,
Въ пожаръ, въ конпоромъ быть пы, снова бронту!

К н я з ь.

Да не сердись! ее я вижу; памъ она!
(Показываетъ на окно, у котораго является Лидія.)

И ж о р с к і й.

Огнемъ и смертію окружена,
Изъ верхняго жилья, моля, простерла руки; —
Рвешь сердце вопль ея, ея спенаній звуки!
На помощь, духи тмы! вамъ душу отдаю:
Ее спасите, Лидію мою
Спасите! (Бросается въ огонь.)

Г р а ф и н я.

Грудь онъ ужаса не дышитъ:
Густое полымя ему на встрѣчу пышитъ
И лижетъ жаднымъ языкомъ
Пылающій со всюду домъ;
Пропалъ, — явился вновь; обонхъ ихъ не стало,
Ихъ не видать; — занямо сердце, вошь; —
Такъ точно, онъ! Онъ снова у ворошь!
Увы! огнемъ все вороша объяло!
Онъ держитъ Лидію безъ чувства на рукахъ,
Онъ медлитъ, епантей ее закушалъ ахъ!
Онъ ринулся . . .

(Лышается чувствъ; Ижорскій выноситъ Лидію.)

К н я з ь.

Ма піесе, вы въ обморокъ упали

Напрасно : живы , спасены !
И даже волосы не сожжены
У Лидишки : такъ бросьше же печали !

Я В Л Е Н И Е 5.

(Садъ Ижорскаго. Входитъ Кикимора ,

К и к и м о р а .

Здорово , милый мой раекъ !
Здорово , другъ Паршеръ ! мое почтение креслы !
Безъ васъ наскучило : препоясаль я чресла ,
Взялъ посохъ и суму ; шель , шель , все на воспокъ —
И наконецъ прибрѣлъ на эни доски .
»А для чего ? « кричишь Фирюлинь , мой Зопль :
»И прежде ты довольно насъ бѣсилъ ;
»Твой всѣ шушочки такъ тупы и такъ плоски !
И я душой былъ радъ , когда ты объявлялъ ,
Что , къ прекращенью нашей муки ,
Здѣсь съ нами глазъ на глазъ
Ты видишься въ послѣдній разъ
И что жъ ? онянь ты здѣсь ! гдѣ жъ плеть и палка Буки ? «
Трофимъ Михайловичъ , не поронишесь бишь ;
Позвольше напередъ вамъ доложись :
Бѣсенокъ я , а сотворенъ для дружбы ;
Для ней ни отъ какой не откажуся службы .
Есть другъ и у меня , предобрый человекъ ,
Пречестная душа — писатель ;
И вошь пришелъ ко мнѣ и говоритъ : »пріятель ,
»Пресминокъ твой не но , что ты ; онъ звѣкъ

*

»Со сцены съ публикой не вступити въ разговоры.

»Къ тому жъ угрюмые, косые взоры,

»Его коварный, злобный нравъ

»Ну, право, созданы не для забавъ!

»А, братъ, необходимъ съ паршеромъ мнѣ посредникъ,

»Веселый, умный собесѣдникъ,

»Который бы подъ часъ, какъ Шекеспировъ хоръ,

»Имъ пояснилъ мой вздоръ.»

И ну проситъ и лестными словами

Превозноситъ меня. хвалишь мой умъ, мой даръ!

Что жъ? просьбы и хвалы, — вы вѣдаете сами, —

Хоть въ комъ, а породяшь усердіе и жаръ;

Я къ Буки; Бука молвилъ; »отпускаю;«

И вопъ я здѣсь и въ должностъ я вступаю! —

* * *

Не такъ ли, Господа, вы видѣли пожаръ?

Лихая, говорящъ, тушь заварилась каша!

Ижорскій спасъ Княжну. Что жъ? героиня наша

Занемогла; къ тому жъ погода, грязь

У Льва Пепровича оспался въ домѣ Князь.

Прошло недѣли съ двѣ: Княжна съ поспѣли встала,

Но, благодарности полна,

Любовію занемогла Княжна.

И прежде, говорящъ, тайкомъ пылала,

(Дѣйствителенъ же былъ Вавилинъ наговоръ!)

Теперь же и тайны любви не спала:

Обрадовался Князь и — сладилъ въ мигъ сговоръ

Однако жъ кланяется хоръ:

Женихъ! пожалуй, стонитъ съ мѣста!

Чай, нашихъ прежнихъ шашней не забылъ;

Да и сердитъ: смотрите, какъ унылъ!

За то ужъ какъ мила, какъ хороша невѣста!

(Уходитъ; входитъ Ижорскій и Шишморъ.)

И ж о р с к і й.

Любимъ я, счастливъ! счастливъ? а? да что жъ
(указывая на грудь.)

Здѣсь адъ мой шепчетъ! — клевета и ложь!

Но пусть обманомъ я прельщаюсь снова,

Хочу обману вѣрить . . . Такъ! ни слова!

А черный, злобный демонъ не молчитъ;

Онъ въ безднѣ сердца все одно твердитъ.

Любимъ! вопросъ: а я любить могу ли?

На вѣки дни минувшіе минулись;

Все выскажу: ея я не люблю;

Я чувствъ вчерашнихъ ужъ обрѣсть не въ силахъ.

Не снужу-ль скуки я при пей шерплю?

Огонь мгновенный вспыхнулъ на могилахъ

Моихъ испытанныхъ ощущеній: я

Считалъ огонь сей свѣтомъ оживленья

Отъ одного погасъ онъ дуновенья

И въ прежней, холодной тмѣ душа моя!

Чтобы любить ее, свою природу

Я побѣднѣ бы долженъ; съ жорнемъ вонъ

Всю ненависть къ ея исторгнуть роду

Предательскому, — къ людямъ: а мнѣ онъ

Такъ мерзокъ, какъ шипрану сумасброду,

Который — мысль не глупая! — скорбѣлъ,

Что не одна дана и та же шея

Всѣмъ этимъ шмамъ и шмамъ бездушныхъ тѣлъ;

Вдругъ, разомъ . . . да! Желаніе злодѣя

Понятно мнѣ. И я, въ груди моей

Ко всѣмъ къ нимъ ужасъ, ненависть делѣя

Я соглашусь для одной, для ней

На подлую, безумную измену
 Суровой правды, самому себя?
 Вовѣки унижительному плѣну
 Уже не подвергнуся . . . Хвала судьбѣ!
 Пельзя. Но если бѣ даже, яль забуду,
 Какъ эта Лидія играла мной?
 Кто? я, овечьей одаренъ душой?
 Нѣтъ! пусть она прелещесть: шигромъ буду!
 Такъ! Но чего ищу, найду ль у ней?
 Бышь можешь, ужъ давно жокей, лакей,
 Или Выпреневь, шумъ презрѣнный,
 Или молокососъ, дитя — Весновъ,
 Или Жемаискій, геній несравненный
 О! всѣхъ ихъ я бы растерзалъ гошовъ!
 Пускай! — по крайней мѣрѣ на коленяхъ
 Ее хочу я видѣть предъ собой,
 Роскошествовать въ ея рыданьяхъ, пѣняхъ,
 Чшобы, объята смертною тоской,
 Стеня, ко мнѣ подыала гласъ безумный,
 Меня молила о любви: а я, . . .
 (Не ею ль жизнь оправлена моя?)
 Взгляну я — и воздвигну хохотъ шумный!
 Ты скажешь что?

Ш и ш и м о р а.

Я поздравляю васъ,
 По чести, Левъ Пешровичъ, поздравляю:
 Вы поцабрались кой чего у насъ;
 Васъ, сударь, уважаю и начинаю.
 Положимъ, ты по слабости своей
 И не совсемъ еще достигъ чершей;
 А, право, хороши твои успѣхи;
 Ты ужъ почини опередилъ людей.

Ну, продолжай! Для адской ны пошѣхи
Созрѣешь, можешь бышь: надежда есть —
И то не малая, повѣрь мнѣ, честь,
Когда сполз рухлое, какъ ты, созданье
За нами слѣдуетъ, хонь сделка.
Одно прошивно мнѣ: пивой шоска
И то, что слишкомъ въ пласе мечпанье
Вдаешься . . . Нѣтъ, живи-ко. брашь, слегка,
Безъ эшихъ глупыхъ, пажкихъ размышлений,
Чтобы подь часъ не дрогла и рука;
Не слушай предразсудковъ и сомнѣній:
Шаривань жизнь и шолько! А къ чему?
Все дѣлай по желанью своему
И ны первосиенный будешь Геній!

(Входитъ Лидія.)

Л и д і я.

Не помѣнала ли я вамъ?

И ж о р с к і й.

Княжна, васъ посѣщилъ и собирался самъ:

Поговоришь мнѣ должно съ вами.

Л и д і я.

Поговоришь? вы правы: между нами

О многомъ должно бы поговоишь.

Такъ, передъ вами я во многомъ виновата:

Считаю васъ за друга и за брата;

Для васъ хочу свою всю душу обнажить.

И ж о р с к і й.

Позвольте . . . (Шипиморѣ) — Ты иди и чтобы
намъ не мешали!

(Уходитъ Шипимора.)

Л и д і я.

Я много причинила вамъ печали,

Мой другъ! и вспомнишь такъ спыжусь. Но кѣтъ:
Пусть вы узнаете, пусть слышите цѣлый свѣтъ!
Какъ грѣшникъ, исповѣдавъ преступленья,
Надѣется онъ Бога омищенья.
Такъ, исповѣдавъ все мои вѣны,
И я надѣюсь: будушь прощены.

Топь, съ кѣмъ я говорю, не мой ли избавишель,
Который жизнью мнѣ жертвовалъ? Къ тому жъ
Не благородный ли, великодушный мужъ?

Узнашь хопище ль,
Ижорскій, какъ могла дойти я до того,
Что самымъ лучшимъ, самымъ высшимъ чувствомъ
Играла? что съ предапельскимъ искусствомъ,
Боль, муку душъ себя вмѣняя въ шоржесиво,
Сама и холодна и съ безмятежной кровью,
Шушила, забавлялася любовью?

Богъ далъ мнѣ добродѣтельную мать:
Она меня съ какими спараніемъ роспила,
Какъ сплелась своєю мнѣ душу передать?
Мнѣ было десять лѣтъ . . . ее взяла могила . . .

Отецъ мой . . . больно сердцу моему . . .
Его вы знаете: не вамъ одинъ; всему
Извѣстенъ свѣту онъ . . . онъ былъ мой воспитатель.

Но защитилъ меня Создатель
И вѣрно, матери Святая тѣнь
Меня хранила ночь и день
Меня, какъ ангелъ Божій, сберегала:
Я правила его, содрогшись, ошвергала;
Былъ долго не внимателенъ и глухъ
Къ его ученію испуганный мой слухъ;
Успѣлъ онъ не во всемъ, увы! успѣлъ во многомъ.
Онъ сердце мнѣ щеславьемъ ошправилъ,

Онъ блескомъ суеты мнѣ взоры ослѣпилъ.
Единственнымъ своимъ и счастьемъ и Богомъ
Считанъ я спала эпомъ блескъ.
Куда ни покажусь , вездѣ встрѣчаю плескъ ,
Восторгъ и торжество и восхищенье ,
Съ начала это все рождало уносенье ,
Потомъ наскучило : безумная толпа
Моихъ поклонниковъ казалась такъ глупа ,
Казалась такъ мертва , что спала въ омерзенье.
Явились вы : вы были исключенье ;
Мое щеславье пробудилось вновь :
Но я наказана ; опомщена любовь.

И ж о р с к і й .

Вы , Лидія , меня , прошу васъ , извините :

Вы не къ тому привыкли , что теперь

Услышите. Не знаю

Л и д і я .

Говорите ;

Все , все мнѣ выскажи , мой другъ , и вѣрь ,

Хотя бы рѣчь твоя была сурова ,

Копя бы ты мнѣ сердце расперзалъ ,

Хотя бы въ каждомъ звукѣ былъ кинжалъ ,

Все опъ тебя я выслушанъ готовъ !

И ж о р с к і й .

И такъ ! . . . судьбой учинель былъ мнѣ данъ
Жестокій , опытъ , вождь безжалостный , но вѣрный :

Онъ весь мой нутрь одѣлъ въ волчець и шеры ,

Онъ много мнѣ нанесть спраданія и ранъ ;

Но предо мной разсѣлъ заблужденья

И продалъ правду мнѣ , — безъ спору за мученья ,

Все жъ правду. Съ той поры исчезли всѣ мечпы ,

Спалъ съ глазъ покровъ бывалой слѣпоны

И сновидѣньями я назвалъ сновидѣнья:
Увидѣлъ я людей въ ихъ гнусной пагогѣ,
Изгибы душъ бездонныхъ разгадалъ я,
Зажегъ свѣщильникъ въ ихъ ужасной темнотѣ,
Всю злобу, все коварство ихъ позналъ я.
Меня вы любите? вы говорите такъ
Желалъ бы вѣрить я, но не могу: не вѣрю.
Гдѣ доказательства? и чѣмъ измѣрю
Сю любовь? мнѣ непависнень мракъ:
Съ словами сердце не всегда согласно;
Хочу, чшобъ для меня свѣкло все было, ясно.

Л и д и я.

Несчастный, бѣдный другъ! что, что скажу тебѣ?
Не оскорбляюсь, кѣнь: душою я болею.
Ахъ! не желала бы и злѣйшему злодю
Съ побой равняться въ шибосной судьбѣ,
Какого спрашнаго въ себѣ ты кормишь змія!
Желаешь доказательствъ: но какія,
Скажи мнѣ, доказательства сильнѣй.
Тѣхъ, что сквозь слезы изъ моихъ очей
Блестящъ теперь? тѣхъ, что изъ каждаго движенія,
Изъ звука словъ моихъ самъ можешь почерпнуть?
Какъ вѣру влишь въ твою невѣрающую грудь?
Какъ одолѣшь твоимъ упорнымъ сомнѣнъ?

И если ты не убѣдишь

Всѣмъ тѣмъ, что видишь, всѣмъ, что слышишь, —
Что жъ убѣдишь тебѣ? — Тобой мой духъ плененъ,

Въ моемъ дыханьи каждомъ дышишь

Ты, ты одинъ; такъ, ты одинъ

Моихъ всѣхъ чувствъ и мыслей властелинъ;

Да! изъ малѣйшихъ даже обспоятельствъ

Ты могъ бы видѣть, какъ люблю тебѣ,

Могъ видѣшь, что тебѣ весь міръ я и себя
Охотно бѣ отдаю . . . Какихъ же доказательствъ,
Жестокій, пребуешь еще? — Но нѣтъ: скажи!

Не упрекаю, — прикажи!

Какія бѣ ни были, я напередъ согласна;

На всё рѣшаюсь; радостна, безгласна,
Всѣ жертвы принесу.

И ж о р с к і й.

Одной желаю; но

Л и д і я.

Какой? располагай моею жизнью, мною!

О! какъ я счастлива: я къ новому покою

Могу содѣйствовать! . . .

И ж о р с к і й.

Такъ, Лидія: одно

Мнѣ нужно доказательство. — Съ тобою

Я обрученъ; моею бышь женою

Ты не прошивишься . . . Я честный человекъ;

Я слова своего не нарушаю во вѣкъ

Еще скажу: одно довѣрье

Довѣрье можешь породить во мнѣ.

И вотъ вопросъ мой вамъ, Сидельной Княжнѣ:

Вы въ силахъ ли презрѣть высокомерье,

Спѣсь рода своего, молву и санъ отца?

Принадлежанъ мнѣ до вѣнца

Вы въ силахъ ли?.. Молчишь, блѣдишь... Слушай: кно я?

Цѣною счастья и покоя,

Опъ роковыхъ опъ грозныхъ силъ

Драгой цѣною я купилъ

Единственный мой даръ: сей даръ свобода.

Не свящны для меня ни одного народа

Обычи, предразсудки, бредъ.

Единый мой законъ, единый Богъ — природа.

И мнѣ подобна быть должна

Та мощная, отважная жена,

Которая податься не содрогнешся руку

Мнѣ на всю жизнь: со мной сопряжена,

Должна дерзать на скорбь; на смерть, на муку,

Должна встречать съ возвышеннымъ челою

То даже, что зовете вы стыдомъ.

Но разъ еще тебѣ я повторю:

Я честный человекъ,

Я слова данного не нарушалъ вовекъ;

И кляшвенно тебѣ я обещаю:

Когда сама по жертвѣ шой

Захочешь быть моей обвинчанной женой,

Тогда пивою исполню волю

И пусть обрядъ

Соединишь, какъ самъ уиѣшь, нашу долю.

Л и д и я.

О Боже праведный! онъ боленъ, онъ больной
Спокрашъ, чѣмъ думала я въ прошломъ своей!

Ижорскій! что, о! что мнѣ предлагаешь?

Своей ли собственной гибели желаешь?

А мнѣ въ ужасномъ лучше бы огятъ,

Въ пучицѣ пламенной, неизбежной

Испытнъ, исчезнушь было мнѣ!

Ты для того ли спасъ меня, неустрашимой,

Чтобъ спала я тебѣ безспрашному въ боязнь?

Чтобъ ны, спаситель мой, обрѣлъ въ спасенной казнѣ?

Внемли: ны ужъ теперь расперзанъ подозрѣемъ;

Не сомнѣваюсь въ словѣ я пивоемъ:

На мнѣ ны женишься: но что? всегда, во всемъ,

Увѣренный моимъ паденьемъ,

Что снова насъ могу, — во всемъ пы ложь, обманъ
Увидишь, расправишь всѣ язвы прежнихъ ранъ,

Къ намъ новыя, ужасныя прибавишь
И спрашнымъ бременемъ меня, себя подавишь.

Меня? не мысли о себѣ:

Я слою непоснижимой,

Таинственной, неодолимой

Привлечена къ тебѣ

Нѣтъ! объ одной швоей я думаю судьбѣ:

О! сжался надъ собою;

О! да остануся достойною тебя;

Меня губи,

Души моей любимецъ, пы со мною

Не погуби себя!

И ж о р с к і й (въ сторону.)

Еще она, клянусь, и бездну одолѣешь!

Клянусь, меня едва

Не сбили чистый взоръ и мощныя слова.

Нѣтъ! нѣтъ! всё это вздоръ, приговорство! — не уснѣешь!

(Громко.)

Княжна, въ послѣдній разъ

Я спрашиваю васъ:

Согласны ли принять мое вы предложеніе?

Нѣтъ? — такъ покиньте же мое удивленіе,

Меня оставьте одного;

Чтобы, какъ прежде, мнѣ людей не видѣть,

Опречья на всегда опъ міра, опъ всего

И безъ изьятъя всѣхъ васъ ненавиждѣть!

*(Идеи; Лидія удерживаетъ его.)

Л и д і я.

Ижорскій! Боже мой! согласна . . . я швою!

И Ж О Р С К І Й.

Теперь себя своею я счишаю ,
Теперь ты истинно моя.
Въ бесѣдкѣ . . . въ полночь . . . ожидаю.
(Уходишь .)

Л и д и я (Одна.)

Не сплю ли я ? не въ мрачномъ ли бреду
Меня пугающъ дикіа видѣнья ?
Что я сказала ? помощь гдѣ найду ?
Къ кому воздвигну сны и моленья ?
Увы мнѣ ! сердце съ сердцемъ не въ ладу :
Опъ неба ль , опъ чудесь мнѣ ждашъ спасенья ?
Весь мой обзоръ могильной мглой одѣтъ :
Пошухъ оправданный , душеводный свѣтъ .

* * *

Сурово брѣнное свое созданье ,
Сурово наказаль меня мой Богъ :
Кому и жизнь и каждое дыханье ,
Всѣ чувства посвятила я , опъ могъ
Обречь меня на срамъ и поруганье ?
Безсмертный ! ты непостижимъ и спрогъ :
Что смертнаго , какъ Бога , я любила ,
За то меня Твоя караешь сила .

* * *

О дочери молися , мать моя !
Ты , коей глазъ любезный и священноа
Съ младенчества злاناго помню я !
Ко слабой мнѣ , со всюду утѣсенной
Изъ рая пущь проспрелся дланъ швоа :
Или къ своей обилии блаженной

Восхищъ меня : поспыль мнѣ мѣръ земной;
Покоя жажду спраждающей душой . . .

* * *

Покоя жажду . . . ахъ ! но очарованъ
Всесильнымъ обояніемъ мой духъ :
Къ нему привязанъ, связанъ съ нимъ и скованъ;
Къ гибели спремившися слѣпъ и глухъ
Спрадалецъ ! нѣтъ, онъ счастьемъ не балованъ:
Вездѣ встрѣчалъ и взоръ его и слухъ
Предательство ; онъ горькую судьбину
Быль долженъ нѣтъ . . . и я его покину ?

* * *

Я ? никогда ! ему я докажу,
Что въ мѣръ есть еще любовь прямая ;
Что суешой и я не дорожу ;
Пусть судишь и гласишь толпа слѣпая ;
Ты подвигъ мой благослови , Свящій !
Такъ, уешою, всѣ бури опражу :
Но въ тѣмной , мершвой — жизненной пустыни
Я буду ангеломъ его опныиъ.

(Послѣ нѣкошораго молчанія.)

Все рѣшено. Нѣтъ Лидіи : она
Для міра, для родныхъ погребена ;
Опныиъ оппрокомъ да будетъ дѣва :
Рабомъ да будетъ гордая Княжна ;
И рабъ судебъ не убоишся гнѣва ,
И оппроку не будетъ смерть страшна ,
Съ весельемъ онъ сразившися съ нищепою :
Онъ укрѣпленъ Любовью роковою.
Но кто жъ веденъ меня въ унылый домъ ,
Гдѣ нынѣ вновь Ижорскій одинокой ,

Съ ужаснымъ , всѣхъ пугающимъ челою ,
Снѣдаемый змѣей , мечной жестокой ,
Какъ первый , Богомъ мучимый злодѣй ,
Какъ Кайнъ , опречется онъ людей ?

Къ нему какъ волны , ко скалѣ кремнистой
Толпа стекла изъ города всего ;
Но только юному съ душою чистой
Изъ всей толпы Ижорскій одного
Встрѣчалъ , когда-то взоромъ не суровымъ ;
И душу за Ижорскаго Весновъ
Былъ въ это время положишь гоноу .
И я — я не безъ власки надъ Весновымъ :
Свой первый пламень посвящилъ онъ мнѣ ;
Меня любилъ онъ въ робкой тишинѣ .
Вотъ вѣрный , вотъ усердный мой союзникъ !
Къ нему , въ столицу , не теряя словъ !
Такъ , имъ и мной нашъ драгоцѣнный узникъ
Воздвигнется изъ адовыхъ оковъ .

(Поспѣшно уходить .)

(Смерклося ; вечерняя заря освѣтила садъ багрянымъ
мерцаніемъ : нѣсколько музыкальных аккордовъ , по-
томъ являющся Титанія и Аріель .)

Т и т а н і я .

Сильѣ , гдѣ былъ ты , гдѣ порхалъ ?

А р і е л ь .

Медъ съ цвѣтовъ я собиралъ ,

Омывался я росою .

Т и т а н і я .

Сильѣ , безскленъ ты и малъ ;

Но судьбы благой рукою

Быспропой ты надѣленъ ,

Надѣленъ умомъ проворнымъ :

Нынѣ мнѣ явись покорнымъ ;
Много будешь награжденъ.

А р і е л ь .

Быть твоимъ слугою не мнѣ ль ?
Вѣчный рабъ твой Аріель :
Съ ранней , сладостной денницы
До возврата вѣщихъ сновъ ,
Я велѣнія Царицы
Всюду совершаю гонимъ.

Т и т а н і я .

Въ путь же , Сильчъ , скорѣе въ путь !
Ходи на сѣверъ проспиралъ ,
Выдешь дѣва молодая :
Подъ кашаномъ дѣвы грудь ,
Шляпа на главѣ мужская .
Ты , ее оберегая ,
Не позволяй ниже дохнуть
На нее дождю , ненастью ;
Спрахъ таинственной властью
Насылай на злыхъ звѣрей ,
На недобрыхъ , на людей ;
Чтобъ въ дубравѣ дѣвы нежной ,
Чтобъ ее въ степи безбрежной
Обижать не смѣлъ злодѣй ;
Волкъ не испугалъ голодный
Вѣтеръ не знобилъ холодный .
Въ путь же , Сильчъ , лени скорѣй !

А р і е л ь .

Внялъ я голосу Царицы ;
Полечу быстрой зарницы .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Занавѣсъ еще опущена; выходитъ Кикимора.)

Кикимора (публикѣ).

То, что вы видѣли, почтенные друзья,
На колдовство, на чудеса похоже;
Однако же вспрѣчалъ не рѣдко я
Въ жинейской вашей прозѣ точно то же!
Пока красавица къ красавцу холодна,
Онъ вылезетъ, кажется, голавъ изъ кожи;
И что жъ? едва къ нему преклонилъсѣ она, —
И вдругъ — его душа заспужена
И онъ, — о ужасъ! онъ голавъ прозваньемъ рожъ
Тотъ ликъ, небесный ликъ безславить и срамить,
Безъ коего, клялся, не въ силахъ долѣ жить.
Но я не вышелъ къ вамъ для разсужденій,
Я нынѣ Автору подручный геній,
А сей покорно просить васъ:
«Перенеситесь въ Петербургъ на часъ.»

Туда въ каштанъ, шляпою покрыта
Осправилась ожившая Княжна;
Сильчѣ Аріель ея вожатый и защитца,
И, кажемя, могла ужъ и дойти она,
Пока гремѣли здѣсь басы, лицавры, скрипки.
Надѣюсь, многія просиитѣ намъ ошибки,

Когда превращена

Въ Амура Русачка, предстанетъ вамъ она,
И насъ опущеніе не безъ улыбки.

Пора мнѣ: занавѣсь шумить,

Взвилась . . . (Занавѣсь поднимается: открывається комната;
Весновъ сидитъ у окна и читаетъ.)

. . . Взгляните: вотъ Весновъ сидитъ,

Читаетъ — что? два дворянина (*)

Веронскіе . . . вы не читали ихъ?

Прочитайте жъ! Но изъ за кулисъ дѣтина

Въ ливрѣхъ мнѣ грозитъ; разливъ речей моихъ
Гнѣвишь Директора; а нѣо счастливый спихъ

И не одинъ и презабавный

Вамъ предложилъ бы: я болшунъ исправный.

(Уходитъ).

Голосъ подъ окномъ.

Арбузы, дыни хороши:

Купи же, баринъ шороватый

Позвать сиротку прикажи

Въ свои высокія палаты;

Арбузы, дыни хороши:

Купи же, баринъ шороватый!

(*) The two gentlemen of Verona, Комедія Шекспира, въ кошо-
рой также дѣвушка передѣвается въ ошрока.

В е с н о в ь (у него выпадаетъ книга изъ рукъ.)

Что слышу? голосъ чей? — Онъ чудно мнѣ знакомъ,
И шюю жъ сладостью и шѣмъ же серебромъ
Наполненъ какъ ес! — То не простое сходство,
То голосъ Лиди! — (помолчавъ) — Какое сумасбродство.
Какъ мысль такая мнѣ на уѣ пришла могла?
(Береть опять книгу) Да! эша Юлія мила:
Она его любовь своей любовью мѣришь;
Ему, бѣдняжка, безпредѣльно вѣришь!
Счастливымъ пушъ въ Миланъ! — а какъ се познѣ
Представилъ опрокомъ? (читаетъ.)

Г о л о с ь.

Арбузы, дыни! . . .

В е с н о в ь (вскрикиваетъ.)

Нѣтъ!

Не ужели причиной чиненье?

Меня или дурачить воображенье

Или . . . Эй, мальчикъ! — эй, лошокъ!

(Глядя изъ окна.)

Взглянуль . . . ея глаза! — идешь . . . и поспушь та же!

И росить и волосъ, — шакъ, улыбка даже!

И млю и дрожу . . . Что шумъ готовишь рокъ?

(Входитъ Лидія, переодѣтая мальчикомъ-разнощикомъ;
продолжается иная игра.)

Л и д і я.

Что, баринъ? вѣрно, нѣтъ у васъ охоты

Отвѣдать нашихъ дынь?

В е с н о в ь.

Скажи мнѣ мальчикъ, кто ты?

Л и д і я.

Сиротка; въ Пинеръ прибыль изъ села.

Весновъ.

Откуда родомъ ты?

Лидія.

Изъ подъ Орла.

Весновъ.

А прозывается?

Лидія.

Иванъ Сусанинъ.

Весновъ.

Чей?

Лидія.

Льва Петровича Ижорскаго крестьянинъ.

Весновъ.

Его? — Сонгилья пѣтъ: я онгадалъ, кто ты,
Я онгадалъ, кого передъ собою вижу,

И мнѣ ль забыть сія черта? —

Молчишь? — навязчивость, похоть мнѣ, ненавижу.

Не буду самъ навязчивъ — и свѣла

Мнѣ будешь шайна та,

Которая тебя скрывалъ притуждаешь.

Чего же Ваня онъ меня желаетъ?

Лидія.

Служишь вамъ; вѣстѣ жъ и... онъ васъ услугъ.

Весновъ.

Какихъ? скажи... помѣщикъ ливой мнѣ другъ.

Лидія.

Вашъ другъ? — и я слыхалъ такъ онъ людей дворовыхъ.

Да мало, говоряшь, въ нашъ вѣкъ друзей голловыхъ

Друзьямъ въ бѣдѣ помочь:

Всѣ въ счастлии друзья, въ несчастіи всѣ прочь.

Весновъ.

Извѣдай и найденъ, усерднымъ буду другомъ.

Лидія.

Иное пляско и для испинныхъ друзей.

Весновъ.

Такъ, шакъ! — Все жъ вѣрься швердосни моей.

Лидія.

Мой баришъ спражденъ злымъ недугомъ,

(Дѣдъ думаетъ: испортили его).

Онъ въ жизни, говоряшъ, опшвѣдалъ онъ всего
И много горькаго, — а насмуренъ съ природы;
Объехалъ бѣлый свѣшъ, всѣ земли, всѣ народы

И воротился на Свяшую Русь

Мрачнѣе вѣное, чѣмъ поѣхалъ. — Не берусь

Подробно разсказать, да слухъ такой носился:

Здѣсь въ Петербургѣ будно бы влюбился

И будно бы въ послѣдній разъ

Дѣвчѣей ласкѣ положилъ повѣришъ.

И что жъ? (не добрый, вѣрно, гласъ

Зависѣшницы какой!) лукавишъ, лицемѣришъ

Передъ несчастнымъ принялась она;

Прикинулась, что влюблена,

Сама жъ ему смѣлалась спороною

Онъ вдругъ узналъ — и помершвѣлъ душою

И бросилъ городъ и покинулъ міръ

И нынѣ, одинокъ и сирѣ,

Живешъ самъ-другъ съ зѣмой, злодѣйкою-шоскою.

Мнѣ жъ дѣдъ мой сказывалъ: кого любовь

Убила, шомъ воскреснетъ вновь,

Какъ будешъ подишъ дружеской рукою.

В е с н о в ъ .

Къ кому?

Л и д і я .

Такъ точно.

В е с н о в ъ .

Не допустишь насъ.

Л и д і я .

Увидимъ; выждемъ легкій часъ:

Онъ, знаю, болѣ всехъ знакомыхъ любить васъ;

Къ тому же разныя пѣнь пѣсенъки умѣю;

Когда-то правился ему онъ . . .

(Болшаюшъ, не дурной Господь далъ голосъ мнѣ)

Такъ, съ Богомъ, съ вами, можешь, и успею:

Успѣлъ же съ Богомъ молодой паспухъ;

О немъ вопль пинуть, что лукавый духъ

Царя смущалъ, а паспырь юный

Ударилъ въ золотыя струны

И гласомъ сладоснымъ святой несломъ заплелъ, —

И духъ лукавый ошлелъ.

В е с н о в ъ .

Господь я; за земной предѣлъ

Ишли господь я за нобою!

Л и д і я .

Слышишь къ спрадалцу съ дружбою святою

И ужъ сдается мнѣ, спрадалецъ исцѣлелъ.

(Уходить рука въ руку.)

Д В Л Е Н І Е 2.

(Домъ Ижорскаго въ Орловскомъ его имѣніи; Ижорскій, Шишимора.)

Ш и ш и м о р а .

Опять поскуешь — охъ!

И ж о р с к і й .

О чемъ же веселиться?

Ш и ш и м о р а .

Ты любишь Лидію, скажи мнѣ, или нѣтъ?

И ж о р с к і й .

Ес ли мало.

Ш и ш и м о р а .

Дѣльный, брань , отвѣшь.

О чемъ грустишь?

И ж о р с к і й .

Грустишь? мнѣ должно бы бѣситься!

Не удалось, не опомснѣлъ.

Ш и ш и м о р а .

За то ужъ желчь на Князя ны излилъ:

Ему доспалось на порядкахъ.

Ты часто ли въ такихъ припадкахъ

Бываешь? въ бѣшенствѣ такомъ?

Съ двора убрался онъ нишкомъ

Съ племянницей, съ Графиней жеманной,

Не то бы случай вышелъ и прескромной;

Пришлось бы отвѣчать спящъ онца

За то, что дочь ушла, не наша до вѣща!

Но развѣ ты обиженъ ею только

И не нравишься только, что ее?

Ушла — ну, на другихъ ты выжьши свое!

Да, правда: добренькихъ жалѣешь!

ИЖОРСКИЙ. $\frac{1}{2}$ л. = 100 г. $\frac{1}{4}$ л. = 50 г. $\frac{1}{8}$ л. = 25 г. $\frac{1}{16}$ л. = 12,5 г.

Я? несколько:

Безъ исключенья ненавижу всѣхъ:

Мнѣ, право, кажется, ихъ вопль мнѣ былъ бы смѣхъ.

III И Ц И М О Р А.

Похвально. Между тем, что делашь в досады?

Випійствуєшь, поєшь Іереміады;

Не хуже, чѣмъ покойникъ Ювеналь,

Ругаешь дураковъ, злодѣевъ на повалъ;

А дураки, злодѣи

Все продолжаютъ прежнія записки;

Живуць — и думаютъ: «Сашира не кинжалъ, ...»

« Не писмодесть и не отправа; »

« Бранился? — пусть! ведь первымъ намъ забава. »

Я дію, доказав.

И Ж О Р С К І Й.

Послушайте, вы, господишь Лукавой!

Я не хочу ни чьею быть забавой,

Ни вашей, — верьте мне. Такъ, не люблю людей,

(Любите ихъ иѣшь причины)

Но разставляя оставшиеся паутинки;

Груба ужь слишкомъ шкань такихъ сѣтей!

Злодейства гнусны мнѣ, я не злодѣй;

Вопть слово я скажу: я дорожу собою,

Своимъ я мнѣнъ дорожу;

Мнѣ люди мерзосныи, предъ адомъ не дрожу;

Но не унижусь никогда душою.

И, ежели вы, господинъ Пролозь,

Дерзнете искушать меня еще хоть разъ,

Не забывая дружбы нашей,

И я дерзну — и прогоню васъ въ зашей. —

Ш и ш и м о р а.

Прогонишь? нашъ контрактъ! ты позабылъ его?

Собою дорожишь? не хочешь быть злодѣемъ?

А съ позволенія твоего

Еще мы надъ тобой похохотать посмѣемъ.

Да! что злодѣй? кого зовешь злодѣемъ ты?

Есть, право, славныя черны

И въ жизни твоемъ! И вошь тебѣ образчикъ:

(Я не раскащикъ,

Но привожу его,

Пріятель, только для того,

Что память у тебя плохая)

Кто? я ли, звѣрской яростью пылая,

Хотѣлъ невинную дѣвицу соблазнить?

Пошолъ сразить ее ужаснымъ, адскимъ смѣхомъ?

Когда бы увѣнчалось, то успѣхомъ,

Ты дней ея распоргъ бы нить,

Или бы душу ввергъ въ холодное запынье,

На вѣки въ ней задулъ бы умъ

Но это ничего, не преступленіе;

Ты праведникъ, ты подиалъ крикъ и шумъ

И говоришь: « не смѣй водить насъ въ искушеніе! »

Люблю я, что всегда, во всемъ

Съ дѣлами мнѣніе твое согласно:

Кто ненавидишь, томъ не оскорбишь ни въ чемъ

Враговъ своихъ — не шакъ ли? это ясно!

Ты дорожишь собой

И по прекрасной сей причинѣ,

Себя перзаешь вѣчною шоской

И грызть себя даешь убійственной кручинъ.

А развѣ зло шворить, — когда ужъ такъ ты спрощь; —

И безкорыстно бы не могъ,

Безъ пользы для себя, единственно изъ рвенья

Ко злу? — Тогда — ну, чванься въ добрый часъ!

Тогда бы испинно ты походилъ на насъ

И всякаго достойнъ былъ почтенья.

Я, напримѣръ, открылъ бы домъ

Про всякаго, про всѣхъ, веселый, молодецкій,

На славу, домъ игрецкій:

Здѣсь банкъ, шутъ спощь, шамъ косни, а припомъ

Вино, балы, псаиръ, музыка роговая,

Цыганки, кони, исария — и лихая,

Ну, словомъ: все, Гоморра и Содомъ!

У насъ ли нѣтъ на все и спощебъ и средсва?

Вообрази, возьми,

Какъ шутъ изъ близкаго, изъ дальняго соседсва

Нагрянули бы къ намъ съ сынами, съ дочерьми!

Тутъ сколь бы нашлось пріятелей старинныхъ:

Тотъ башюшку знавалъ, тотъ по жентъ родилъ,

А шотъ, не зная, почтпалъ меня;

Сестрицъ и пестушекъ опкормленныхъ и чинныхъ;

И грязныхъ дядюшекъ и глухихъ брашцевъ — полкъ!

Ихъ стаду былъ бы радъ гостепріимный волкъ;

Онъ онъ любезности коровъ бы разрывалъ,

Козлиной дѣльносши, дивясь бы, восхищалъ

И находилъ бы и въ баранахъ умъ и шотъ,

Такъ! обираиъ бы ихъ я спалъ до нитки,

Не для себя: на чшо мнѣ? нѣтъ, хоть въ нечъ

Весь выгрышь! по весело ихъ жечъ

Огнемъ медлительной, учтивой, тихой нитки.

А шотълько пикнешъ кто, а шотълько кто дрогнешъ

И не найдешь, что мы чрезвычайно милы,
Того нашъ исполнень на разумъ наведешь :
Пускай раздумаетъ намъ въ лишникѣ могилы,
Какъ больно оскорбилъ такихъ, какъ мы, людей,
Своею щекопливостью извѣстныхъ,
Радужныхъ, благородныхъ, честныхъ!
Про женъ ихъ, про сестеръ, про дочерей
Ужъ что и поминашь! доспались бы въ придачу.
Чудеснѣйшій проектъ! чуть съ радости не плачу!

Но ты, мой другъ, ступай,
Какъ прежде самому себѣ надѣдай,
Филиппики, какъ прежде, распочай;
Вѣдь знаю же: швое веселье — скука,
Твое блаженство — мука,
Зѣвота для тебя и счастье и рай!

Но только не мечтай,
Что опъ другихъ ты въ чемъ нибудь оплеченъ;
Какъ все они, ты двузначенъ;
Какъ все, одно толкуешь, говоришь,
А глядь, другое сошворишь!
Такая жъ брешная, какъ все соблазна, тѣба,
И ты, какъ все, не мясо и не рыба,

И ж о р с к і й.

Послушай, Демонъ: правъ ты; точно такъ,
Я точно былъ дуракъ,
Что за вины другихъ себя терзалъ и мучилъ
Быль одинокимъ, я соскучилъ:
Пусть ѣдутъ, пусть бѣгутъ! открытъ для всехъ мой
домъ.
Увидишь: съ неблѣднѣющимъ челомъ
И я раскидывать умѣю сѣмь.

Что спыдъ? что совѣсть? что мола?!

Нелѣпыя слова!

Боишься кто ихъ? кто? никто, ни даже дѣти!

(Уходитъ; за нимъ Шиншора.)

Я В Л Е Н І Е 5.

(Домъ помѣщика Кондраша Максимовича Ковалка) Кондрашъ Максимовичъ и Фалалей Кузмичъ Подлипамо.

К о в а л к а.

Что новаго, сосѣдъ?

П о д л и п а м о.

Есть кое что, и вамъ

За что купилъ, за то продамъ.

И ж о р с к і й

К о в а л к а.

Колобродить?

Нѣтъ; онъ на отца теперь ходитъ:

Такой же спалъ, какъ былъ покойникъ, хлѣбосоль;

Прогналъ съ двора печаль, забылъ бѣды и горе,

Для всѣхъ насъ у него шеапръ, охота, стома,

Ну, словомъ, разливное море.

Вопъ созвалъ претягло для весь увѣдъ.

И съехалъ: кресны, да, не было безъ звѣздъ,

Превосходительныхъ съ ланокъ, Князей довольно,

И было всё такъ благородно, вольно,

Безъ принужденья, безъ чиновъ,

И радъ хозяйнъ всѣмъ, всѣхъ облакаитъ гошовъ.

А какъ въ игрѣ ему везеть? скажу вамъ: вопъ

Тупаловъ, — вышелъ голый изъ воротъ,
Раздѣлъ его Ижорскій до рубашки.

Ковалка.

Да это не ошцовскія замашки!

Поддипалов.

Кондрашъ Максимычъ, — молодежь!

Остепенился ты; не мудрено: сѣденскъ;

А чай, и ты лепалъ шуда же, гдѣ карисежь.

Вѣдь бѣлся онъ, сердечный, не изъ денегъ:

Прежний человѣкъ! его я полюбилъ;

И нашимъ бабамъ вѣтъ онъ голову вскружилъ.

Ковалка.

И къ молодцу своихъ возишь ты спанеишь на домъ?

Поддипалов.

А почему же нѣтъ?

Ковалка.

Поздравлю жъ васъ съ нарядомъ;

Съ уборомъ головнымъ.

Поддипалов.

Суди уборъ инымъ:

Не опасаясь.

А за Ханжевскихъ, брашъ, такъ не ручаюсь;

Да берегись и пусляковъ:

У нихъ ужъ и дошло съ женой до крупныхъ словъ;

(Входитъ Анисимъ Павловичъ Вѣстовщиковъ.)

Ковалка.

Слуга покорный! Кумъ нашъ драгоценный!

Прошу присѣсть.

Вѣстовщиковъ (сидясь.)

Благодаримъ за честь.

КОВАЛКА.

Насть разсудите, другъ почтенный:
Вотъ Фалалей Кузничъ привезъ мнѣ вѣсть . . .

ВѢСТОВЩИКОВЪ.

Признашся, кой-какія есть

И у меня.

ПОДЛИННО.

Какія?

КОВАЛКА.

Кумъ, какія?

ВѢСТОВЩИКОВЪ.

Преважныя, предорогія:

Вы Машу, Вспышкина меньшую знали дочь?

КОВАЛКА.

Зналъ. Что жъ?

ВѢСТОВЩИКОВЪ.

Бежала нынче въ ночь.

КОВАЛКА.

Бежала? какъ?

ВѢСТОВЩИКОВЪ.

Изъ перешеки

Съ Ижорскимъ вышло все: письмо нашель отецъ; —

Что правда — правда, Вспышкинъ не подлець;

Служивый старый, человекъ не низкій

И чesиью дорожишь,

А суцій чортъ, когда сердитъ:

Присталъ къ ней, сталъ произносишь проклятыя,

Монастыремъ, побоями спрацаны,

Не къ спашу тушь вѣшалась машъ,

Вступился дяди, раскричались братья;

Перепугалась дѣвка — и бѣжалъ

И, говоряшь, къ Ижорскому въ объяшя.

КОВАЛКА.

Ну, Фалалей Кузьмичъ, Ижорскій швой каковъ?

Вѣстовщиковъ.

Вамъ былъ знакомъ Поручикъ Храбряковъ?

Подлипаго.

Владимиръ Карпычъ?

Вѣстовщиковъ.

Онъ. Зарѣзался бѣдняжка!

КОВАЛКА.

Помилуй Богъ! за что?

Вѣстовщиковъ.

Его же кучеръ, Яшка

Мнѣ обо всемъ подробно разсказалъ:

Ижорскій ободралъ Поручика, какъ липку,

Казенную вошь сумму проигралъ;

Взыскашелецъ и спрогъ ихъ Генераль:

И такъ, чшобы поправиль шу ошибку

Несчастійный глоснку ошмахнулъ себя.

КОВАЛКА.

Ну славный хлѣбосоль, ну ласковый хозяинъ!

Сосѣдъ, скажу тебѣ:

Разбойникъ онъ!

Подлипаго.

Злодѣй!

КОВАЛКА:

Губитель!

Вѣстовщикъ.

Ванька Каинъ!

(Входитъ слуга.)

СЛУГА.

Онъ Льва Петровича нарочный прискакалъ.

КОВАЛКА

Не слышу . . . ась? что, братец, ты сказал?

СЛУГА.

Приехалъ къ вамъ нарочный изъ Сладкова.

КОВАЛКА.

Нарочный! изъ Сладкова! . . . къ намъ.

Въстовщиковъ (Поднималъ въ полголоса.)

Плясать его душа оны радости готова!

КОВАЛКА.

Да, Фалалей Кузмичъ, сказать позволюте вамъ;

Оно немножечко на спарину похоже.

Покойникъ Пётръ Степановичъ, — мой Боже!

Мы были съ нимъ пришли, друзья:

Нарочныхъ оны него и жди, бывало, я

Двухъ, прехъ въ недѣлю; что же?

То пригласишь на справлю, на обѣдъ,

То позовешь на клянины,

То свадьба дочери, то внучкины крестины.

Братъ, честный человекъ, прекрасный былъ соседъ!

Пивалъ я у него, да ужъ какія вины!

Шушникъ, любилъ свѣяться, вздоръ молоть . . .

Дай царствие ему небесное Господь!

Въстовщиковъ.

Не ужто примище Ижорскаго лакея?

Вы . . .

КОВАЛКА.

У тебя свербить, Анисимъ Павлычъ, шел:

Помилуй! Губернатору родна!

Еще вотъ обнесешь, пожалуй, и меня!

Нарочный пусть войдетъ.

(Выходитъ слуга, потомъ входитъ нарочный.)

Часть II.

8

П а р о ч н ы й.

Велѣлъ спросишь васъ баринъ:
Все ль въ добромъ здравіи?

К о в а л к а (кланяясь)

Обязанъ, благодаренъ!

П а р о ч н ы й.

И приказалъ донести,
Чтобы изволили съ нимъ за просио ошкунать.

К о в а л к а.

Считаю за особенную честь. (Уходитъ парочный.)
Нельзя же ошкунать, нельзя же не послушать:

Богатый, знатный человекъ;

Тронъ — не развяжешься и вѣкъ!

Анисимъ Павлычъ, вамъ слуга всегдашній,
Сегодня жъ! . . . Фалалей Кузьмичъ у насъ домашній

И не разсердился: и такъ,
Оправляюсь, наряжусь, надѣну новый фракъ.

Прошу васъ, извините! (Уходитъ.)

В ы с т о в щ и к о в ъ.

Вы, Фалалей Кузьмичъ, куда же вы спѣшите?

П о д л и н а л о.

Заѣду, брашь, домой:

Въ Сладково, чай и мы приглашены съ женою. (Уходитъ.)

В ы с т о в щ и к о в ъ (однѣ).

Воптъ люди, за обѣдъ, за приглашенье
Головы все продашь, и вѣчное спасенье!

Да Левъ Петровичъ ожидаетъ насъ:

Пора . . . (смотритъ на часы) Такъ поздно, воптъ ужъ первый
часъ! (Уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

(Домъ Ижорскаго; Ижорскій и Честновъ.)

И Ж О Р С К І Й.

Съ ноги пы на ногу перескучаешь,
Сморкаешься и кашлешь и вздыхаешь

Ну, кончинишь ли? — попка!

Давно ли спалъ безъ языка?

Такія лица, знаешь, —

Мнѣ же въ шернежь.

Ч Е С Т Н О В Ъ.

Что жъ делаешь? въ добрый часъ!

Не умереть мнѣ въ вашемъ домѣ, видно.

А я, — пусть было больно и обидно,

Еще не то переносилъ онъ васъ,

Какъ были вы больны.

И Ж О Р С К І Й.

Да, бросьте пустословье!

Ты видишь: я здоровъ.

Ч Е С Т Н О В Ъ.

Продли вамъ Богъ здоровье

И наведи на истинный васъ пунь!

Да мнѣ позвольте отдохнуть;

Пожалуйста мнѣ, шарикъ отскавку.

И Ж О Р С К І Й.

То есть: прибавку?

Не такъ ли?

Ч Е С Т Н О В Ъ.

Нѣтъ. Въ послѣдній разъ, прошу,

Вы выслушать меня извольте, Левъ Петровичъ:

Вамъ слово про себя скажу.

Не мыщанинъ я, не Поповичъ,

Природный, Русскій дворянинъ

И кровью я купилъ мой малый чинъ.

Нашъ добрый Генералъ, вашъ батюшка покойный,

(Будь миръ его коспямъ! вельможа былъ достойный).

Мой благодѣтель: я служилъ въ его полку

Еще при мамушкѣ — Екатеринѣ.

Вотъ, Левъ Петровичъ, по какой причинѣ

Онъ предложилъ мнѣ, епарху,

Когда ужъ продолжалъ я не былъ въ силахъ службы,

Мѣстечко, хлѣбъ и кровь,

И принялъ ихъ Честновъ

Онъ щедрости его, великодушья, дружитъ:

Но, вотъ Господь свидѣтель! — ихъ

Не принялъ бы ни отъ кого другихъ.

При мнѣ вы родились; росли въ глазахъ моихъ

И часомъ васъ качалъ я на колыбѣхъ . . .

(упираясь слезы)

И ж о р с к і й.

Браво!

И слезы! продолжай: надѣдай мнѣ право.

Ты приобрѣлъ. Но не обманешь, нѣтъ!

Нѣтъ, не совсѣмъ я глупъ; мнѣ не шеснанадцать лѣтъ.

Ч е с т н о в ъ.

Сынъ друга моего и это твоей опытнѣ?

Не мучь меня; взгляни: бѣлъ, будто снѣгъ, мой волосъ!

(Помолчавъ.)

Въ послѣдній разъ вы слышите мой голосъ,

Сударь: впередъ ужъ вамъ не спану докучать!

Въ послѣдній разъ мнѣ дайте досказать.

Все выскажу — а! сладко вспоминать!

Мы вами мальчиномъ , прекраснымъ любовались :

Какія пылкія въ васъ чувства разгорались !

Какой живой и чистый жаръ ,

Какое рвеніе къ дѣламъ всѣмъ благороднымъ !

И васъ увидѣвъ мужемъ превосходнымъ

Надеялись мы . . . вдругъ умеръ вашъ отецъ :

Господь ему послалъ конецъ ,

Чтобы избавить отъ печали :

Тутъ для меня дни горькіе настали ;

Я на землѣ остался сиротой .

Васъ повезли въ столицу :

Мое послѣднее веселіе съ собой

Вы взяли . Въ службу вы вступили ; за границу

Оправданы — и наконецъ

Къ намъ возвратились . . . мой Творецъ !

Затѣмъ до вашего я дожидъ возвращенья ?

Слѣды ужаснаго жизни разрушенья

На дросшномъ челѣ , въ потухнувшихъ очахъ ,

Во всѣхъ обезображенныхъ чертахъ ,

Такъ вы предстали мнѣ ; взглянули на Чеснова ,

Я къ вамъ бросаюсь , — вы — ни слова —

И заперлись . И спрашъ мнѣ спрашенъ домъ

И мнѣ мечталось , здѣсь витають духи злые .

Умеръ я слезы кулакомъ ,

Но вспомнивъ дни былые

И васъ больныхъ покинуть не хотѣлъ ,

И вотъ , казалось , день нашъ просиялъ :

Здоровы спали вы ; за шомъ пожаръ молодецъ

Я ошлужилъ ,

Въ которой Богъ васъ укрѣпилъ

Спаси Князю . Теперь . . . не нужень , не потребень

Я вамъ ; въ какомъ бышу , каковъ

Вашъ новый быль, не можемъ жить Чесниковъ.

И ж о р с к і й.

Спарикъ, какъ хочешь: я тебя не принуждаю;
Держать — я не держу, и гнать — не выгоняю;

Остаться можешь, можешь и пойми:

Самъ вижу, наши разошлись пути

Что делаю, за то предъ Богомъ отвѣчаю

И тяжко, можете быть, що для моей души;

Но мнѣ не нужны наставленья

И слышать своего я не желаю мнѣня.

И такъ, какъ хочешь . . . Но ко мнѣ ники.

Тебя я не забуду.

Ч е с т н о в ъ.

Въ слезахъ, въ ночь, рыдая и спяя,

За васъ молился буду:

Ахъ! если бы слышала Богъ меня,

И ж о р с к і й (вѣсивъ бумажникъ).

Вчера я выигралъ: возьми вонъ, — на дорогу

Ч е с т н о в ъ.

Я грѣшный человекъ — (и кто же безъ грѣховъ?)

Такъ, деньги я люблю и въ помъ я каюсь Богу:

Но этихъ денегъ не возьмешь Чесниковъ.

И ж о р с к і й.

На это важныя причины безъ сомнѣня?

Ч е с т н о в ъ.

Ихъ знанъ хощите вы?

И ж о р с к і й (Киваятъ головой).

Ч е с т н о в ъ.

Прому же извиненья:

Я этихъ денегъ не возьму

И жорскій.

Ну, не возьмешь . . . а почему?

Честновъ.

Не будешь Божія на нихъ благословенія.

И жорскій.

Не будешь? . . .

Честновъ.

Да на нихъ

И плачь и кланьи бѣдныхъ жернивъ пивныхъ.

И жорскій.

Ты забываешься . . . какал дерзоснѣ!

Честновъ.

Не деньги нужны мнѣ, нѣтъ, мнѣ нужна любовь!

Мнѣ ваши деньги въ мерзоснѣ:

На вашихъ деньгахъ Храбрякова кровь.

(Носивши ухиливъ.)

И жорскій (Одинъ)

Кровь, Храбрякова кровь! Ее не доставало!

(Задумывается, входитъ Шиншора и оспана-
вливается въ опхаленіи.)

Какъ я собой владѣю мало!

Правъ демонъ: бренецъ я и слабъ,

И я, какъ всѣ, слѣпыхъ предразсужденій рабъ.

И что жъ шупъ? Бышя единаго не снало

Въ бездонномъ шокѣ жизни и смершей,

Въ семь морѣ неисчисленныхъ зыбей

Единой каплей нѣтъ . . . и опъ того мнѣ жало,

Такое жало въ сердце *мнѣ* запало?

Тебя я вырву, адскад снгрѣла!

Бѣда больша! жизнь одна прошла!

И жизнь кака?

Безумца жизнь, ничтожная, пустая,
Какъ блѣдный пусшоцевишь.
Но шепчешь мнѣ не то душа моя больная;
Вотще твержу ей: «нѣтъ!»
Глухая мука мнѣ невольницынъ отвѣтъ.
(Опять задумывается).

Ш и ш и м о р а (въ полголоса)

Его перзаюшь угрызенья,
Сосешь, грызешь его безмерная змѣя;
Безмолвно наслажуся я
Бѣсовъ достойнымъ зрѣлищемъ мученья.
И повлеку его полкомъ на преступленья,
Какъ глупаго шельца на бойню подь обухъ;
На подвиги, ошъ конхъ взоръ и слухъ,
Содрогнешь, помериваюшь:
Предъ ними прежнія, какъ тѣни, поблѣднѣюшь,
Неискупимы будущъ и весь адъ
Вольюшь въ его раздавленную душу;
И перерѣжу всякій пунъ назадъ
И клятву вѣчную на падшаго обрушу!
(Выступаясь впередъ.)

Грядущей смерти внемлю я шагамъ;
Сюда, сюда, къ симъ близкимъ снѣгамъ!
И жертва новая уже готова,
Увенчана — и ножъ уже ошеръ
И вскорѣ, вскорѣ загоритъ косперъ!
(Громко.)

Письмо къ вамъ ошъ какого-то Веснова.

И ж о р с к і й.

Подай. (Читаетъ письмо.) Въ выздоровленіи моемъ
Пріемлешь неопровержимое участіе . . .
Онъ здѣсь въ мнѣніи своемъ . . .

« Для молодого человека счастье
« Знакомство съ вами. » Моему уму
Дивился, знаямъ . . . Просить позволенья
Ко мнѣ прѣхашь . . . »

Ш и ш и м о р а .

И ему

Позволишь безъ сомнѣнья ?

И ж о р с к і й .

Звѣрь ненасытный, и его
Пожрашь ты хочешь !

Ш и ш и м о р а .

Я ? кого ?

Помилуй ! мнѣ какое дѣло ? что ты ?

Съ людьми же у тебя, не у меня расчеты :

Не сдѣлали мнѣ люди ничего .

И ж о р с к і й .

Съ тобою спорить не въ охотѣ !
Ты знаешь силу персями моего ?
Тебѣ повѣляю силой сею .

Молчи !

Ш и ш и м о р а .

Ослушаться не смѣю .

И ж о р т к і й .

И знай : на зло тебѣ спасу Веснова я ,
Знай : онъ мнѣ дорогъ ; да ! напрасно брови
Сближаешь такъ насмѣшливо : пеня ! крови
Веснова — вопъ тебѣ рука моя
Ты не напѣешься . Глупой ли , смѣшной ли ,
Какой бы ни былъ я , мнѣ все равно ;

Отказъ на просьбу , — рѣшено :

Онъ не погибнетъ ! (Уходитъ .)

Ш и ш и м о р а . (Уходитъ за нимъ .)

Ой ли ?

Я В Л Е Н І Е 5.

(Открытое мѣсто въ лѣсу близъ большой дороги. Глубокая осень.)

Ш и щ и м о г а.

Гдѣ ты заяцъ? заяцъ гдѣ ты?
Что нейдешь ты, шрусъ косою?

З а я ц ъ.

Дубъ, береза, вѣзь раздѣты
Лиходѣйкою зимою;
Садъ и поле спали пусшы,
Льдомъ покрылася рѣка:
Позабылъ кочанъ капуста
Въ огородѣ мужика.
Тотъ кочанъ и бѣлъ и сладокъ;
Зайчикъ на капусту надокъ:
По проснорнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ
Вдоль забора, по оврагу
Трусъ поднялся въ огородъ.
А и зайцу дася ошвагу
Холодъ, голодъ и нужда.
Звалъ ты: шрусъ бѣжишь сюда
Прибѣжалъ и ждешь, что скажешь?
Ждешь, что зайшкѣ прикажешь?

Ш и щ и м о г а.

Съ горки прыгъ, на горку скокъ,
Въ лѣсъ бѣги ты на воспокъ:

Раздается рогъ ловецкій,
Псы подняли лай и вой;
Мчипся всадникъ молодецкій,
Воронъ конь его лихой . . .
Ты яви свою опвагу:
Перерѣжь дорогу псамъ;
По проспорнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ,
Вдоль забора, по оврагу
Примани ловца сюда.
Нынѣ, не шрусъ, русакъ проворный;
Не тебѣ грозить бѣда:
Шею сломишь онъ, задорный.

З а л ц ъ.

По проспорнымъ, по лугамъ,
По веселымъ, по холмамъ
Вдоль забора, по оврагу
Мнѣ бѣжать на встрѣту шамъ,
Мнѣ явить свою опвагу?
Мнѣ манить сюда вашу
Злыхъ собакъ, ловцевъ лихихъ?
Пуще смерти шрушу ихъ.

Ш и ш и м о г а.

Ну, пошелъ же! или духу
Я предаю тебѣ, косой!

З а л ц ъ.

Топчась, благодѣтель мой!
Но утѣшь мою спаруху,
Коли, зло случился мнѣ,
Охъ! не даромъ и во снѣ
Былъ я позванъ къ людямъ въ гости:
« Велика, » я думаю, « честь! »

Ужъ сегодня не унесшь
Вась миѣ, бѣдненькія косяки!

(Убѣгаетъ заяцъ.)

Ш и ш и м о р а (однѣмъ.)

Такъ, оправдася прихѣпа спариковъ:

«Бѣда, когда Русакъ перебѣжипъ дорогу!»

Найдешъ на нежданную шревогу,

Ижорскій; бойся русаковъ!

И выручипъ тебѣ Весновъ

И будешъ преданъ немичушй долѣ.

И въ домъ его шы примешъ по неволѣ.

Но слышу голоса воровъ:

Подобно вою спашъ гладной

Неистовыхъ волеговъ

Сюда несешъ пѣснь ихъ шайки кровожадной.

(Скрываеися. Являеися Ашаманъ съ
шремѣ разбойниками.)

Р а з б о й н и к и (поюшь.)

Не башюшка напушествовалъ,

Снабжала же не машушка

Удалыхъ насъ молодчиковъ

Въ дорогу шу, дороженьку

Въ дремучій боръ, въ почъ шемную.

Напушествовалъ Царевъ кабакъ,

Снабжала же головушка;

Головушка разгульная,

Разгульная, да буйная;

И намъ дала подарочки:

Товарищъ нашъ, булашпый ножъ;

Вшорой-шо былъ подарочекъ

Киснешъ съ ремнемъ, шоварищъ шо жъ;

Ружье, ружье Пѣмецкое

Былъ шрепшй намъ подарочекъ!

Атаманъ.

Пожалуй, вы пѣвѣмъ накликающие врага:

Молчань! Мнѣ слышашся рога.

Прилягъ на землю, Косня;

Не къ намъ ли чернь несетъ какого госпа?

Чюго?

1-й Разбойникъ (прилетъ къ землѣ.)

Конскій шопощъ.

Атаманъ.

Близко?

1-й Разбойникъ.

Да.

Атаманъ.

Взберись на елку, Оюка-борода.

(2-й разбойникъ взбирается на дерево.)

Не видишь ли чего?

2-й Разбойникъ.

Мнѣ виднися охотникъ:

Атаманъ.

Одинъ?

2-й Разбойникъ.

Одинъ.

Атаманъ.

Здѣсь спой, Андрюшка плошникъ;

Ты, Косня, здѣсь; а мы съ Оомой,

Мы спанемъ вошъ за эшою сосной.

3-й Разбойникъ.

По насъ ли, полно, драка?

Эй, не попасъ бы намъ въ бѣду, Космачъ!

Атаманъ.

Одинъ! — Ты слышишь ли, измоченный калачъ?

Чего жъ боишься?

1-й Разбойникъ.

Чу! залаяла собака.

2-й Разбойникъ.

Бѣжишь русакъ.

Атаманъ.

Къ ружью! дружите! стой!

(Является Ижорскій верхомъ; его окружаютъ; нѣсколько
выспрьловъ).

Ижорскій (кричитъ).

Злодѣи! рѣжутъ!

Атаманъ.

Точно такъ.

Ижорскій.

Разбой!

(Еще нѣсколько выспрьловъ; Ижорскій падаетъ съ лошади. Вдругъ
прибѣгаетъ Весновъ и Лидія, одѣтая Козачкомъ: Весновъ убиваетъ
атамана: разбойники разбѣгаются: Лидія между тѣмъ бросилась къ
Ижорскому и поддерживаетъ ему голову. Зававъсь опускается).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Кикимора (по подишлѣ зашавѣса.)

Вы мнѣ скажите, вы, чувствительныя дамы,

Охотницы до спраховъ и чудесъ,

Чшо можетъ быть милѣ нашей драмы?

Въ ней все, чего ни спросишь: шемный лѣсъ,

Безумье и любовь и нежности и бѣсъ

И наконецъ, о радость! и разбойникъ.

Мы подождемъ: быть можетъ, и покойникъ

Еще появишся, какой нибудь Вампиръ,

Таинственный, ужасный, блѣднотѣлый;

Вонъ шумъ-то будетъ пиръ!

Вонъ шумъ-то всѣ заохаютъ девицы!

Вы поняли, любезные друзья,

(По крайней мѣрѣ такъ надѣюсь я)

Чшо въ глушь, гдѣ припали въ кровавыя объятья

Ижорскаго Космачъ и братья,

Съ большой дороги близко; а Весновъ,
Скакавшій по дѣламъ на тройкѣ рысаковъ

Въ Орелъ, услышалъ выпрыглы воровъ:
Онъ онъ того-то такъ левился къ спайи
И спасъ Ижорскаго. Ижорскій раненъ: вопль,
Исполнены любви, спаранья и заботы,

Весновъ и Ваня онъ его кривали
Не смѣютъ ошойши. Но вскорѣ здравъ и бодръ
Покинулъ Левъ Петровичъ одръ,

И вскорѣ снова

Веселье дикое въ снѣгахъ Сладкова:

Вино и каршы, пѣсни, крикъ и шумъ;
Онъ вновь средь жерновъ своихъ, привѣтливъ и утрюмъ
И шепчетъ, кажется: «всѣмъ гибель вамъ гошова!»

Тогда смушилася душа Веснова;

Тогда тяжелой пучей облекло

Его унылое чело;

Онъ не сказалъ Ижорскому ни слова:
Но часто на него подышны, долгій взоръ
Могущій выражалъ укоръ.

А каковы подѣ часъ бывають спрѣлы взора

И какъ ихъ трудно перенести,
Изъ слѣдующаго на сценѣ разговора

Вы можете расчесать.

(Запавъсѣ поднимается; Кикимора уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 4.

(Кабинетъ Ижорскаго въ Сладковъ: Ижорскій и Шишимора).

И ж о р с к і й.

Онъ осуждаетъ меня дерзаешь:

Его молчанье хуже, чѣмъ слова.

Какія жь надо мной ему даны права?

Что этакъ мальчишкѣ воображаешь?

Спасъ жизнь мнѣ! — Но во-первыхъ и

Не знаю, спонимъ ли того и жизнь моя,

Чтобъ ею дорожить; а во-вторыхъ, и вслѣдъ

Не трусь, изъ самолюбы одного,

На мѣстѣ Дон-Кихота моего,

Не онказался бы онъ драки.

За что же туть благодарить?

Какое сдѣлалъ онъ неслыханное дѣло?

И дерзости его мнѣ почему спосишь?

Мнѣ должно показанъ мальчишкѣ превосходство

Свое надъ нимъ.

Ш и ш и м о р а (Сморгнувшій на Ижорскаго въ
подлобъ, — какъ будто
пораженный печальною мы-
слию.)

Какое сходство!

И ж о р с к і й.

Чье сходство? съ кѣмъ?

Ш и ш и м о р а.

Съ Княжной.

И ж о р с к і й.

Да, на Княжну похожъ.

Ванюша, казачекъ Веснова. — Даль что жь?

Ш и ш и м о р а .

Ты мыслями себя пуспыми не преволь:

Но сходство велико. Къ тому жъ, такая нѣжность,

Почтипительность у барина къ нему!

А у него кака-то небрежность

Когда, чиню господину своему

Подаситъ, когда поднимешь чиню? ... и даже:

Разъ въ разговоръ козачекъ

Карманный уронилъ платокъ;

Весновъ хотѣлъ поднять; я былъ на стражѣ,

Вошелъ — и, будто пойманный въ кражѣ,

Слуга и баринъ вздрогли.

И ж о р с к і й .

Точно такъ!

Но мы изслѣдуемъ, узнаемъ, чиню и какъ

Беда мнѣ, если я обмануть:

Надѣюсь, ужъ впередъ обманывать не спланую!

(Смотришь въ окно.)

Смотри: какой же рядъ саней

Къ намъ валитъ! какъ на сахаръ мухи,

Ко мнѣ летятъ они: калнущъ, должны быть, глухи

И слыны все, безъ глазъ и безъ ушей!

Ш и ш и м о р а .

Пусть ихъ! — иди, встречай любезнѣйшихъ госней.

(Уходя въ оба.)

Мозоли!

ЯВЛЕНИЕ 2.

(Другая женщина изъ Сладкова, Весновъ и Лидія.)

Весновъ.

Пить, Ваня, пить! съ меня довольно.

Здѣсь долѣ не останусь я.

Лидія.

Ахъ, понижаю васъ, и мнѣ сморщить, такъ больно.

Весновъ.

Распierzана душа моя:

Какъ? онъ ли, кто умомъ и пламеннымъ и сильнымъ,

Избыткомъ чувствъ, избыткомъ силъ

Меня погласъ, мнѣ душу поразилъ?

Его въ своимъ лѣшамъ незрѣлымъ

Избралъ я въ образецъ?

Я на него ль взиравъ, исполненъ удивленья,

И думалъ: «наконецъ

«Тебя нашелъ я, доблестный боецъ,

«Ишедшій съ честью изъ сраженья

«Съ огромной ранящей Судбой!»

Воскресли для меня въ его лицѣ шѣ мужи,

Прелестной, Греческой, священной старины

Могущіе и дивные сыны,

На коихъ среди битвъ и рока и оружій

Взирали юности и влились съ жизнью кровь

За ихъ высокую любовь

Изъ ста смертельныхъ ранъ съ улыбкой издвигали.

*

Опились жъ для меня великихъ имена

Пустыя буквы лишь на суетной скрижали:

Очнулся я отъ сладостнаго сна;

Паль идолъ мой и всѣ, съ нимъ всѣ кумиры пали!

Когда еще, какъ радостный маякъ,

Онъ освѣщаль моей грядущей жизни мракъ, —

Блаженъ его любовью,

Своею лучшей и чистѣйшей кровью

Я за его любовь бы заплакалъ:

Безумецъ, за него и дерзостный и гордой,

Я мѣрь неизмѣримыхъ силъ,

Предполагалъ въ душѣ непоколебимо-твердой,

Въ его душѣ, достойной всѣхъ жернивъ....

Вдругъ остылелъ зашумѣвъ дикой спирали

Онъ для меня, онъ для всего сталъ жернивъ.

Но даже и тогда все оной темной власти

Комель я приписать, кошорая мужей

Надъ чернью вознесенныхъ

Колеблеть во снѣ краинъ сильнѣй,

Чѣмъ спадо смирное обыкновенныхъ,

Къ порывамъ пламеннымъ несозданныхъ людей.

Теперь же — высказать устамъ моимъ не въ силу —

Теперь же всѣхъ надеждъ, всѣхъ сновъ моихъ могилу

Я вижу: горе мнѣ! — мой полубогъ злодѣй!

Л и д и я.

Нѣтъ, не его вини въ сѣмъ спрашномъ превращеньи,

Меня, одну меня; я, я всему виной!

Ко мнѣ онъ бросился съ пылающей душой; —

А я, холодная! онъ былъ осмѣянъ мной!

И воть враждуетъ всѣмъ въ злосчастномъ заблужденьи

За преступленіе одной.

Но докажи ему, что дружба есть святая,

Что безкорыстная любовь

Не призракъ, не мечта — и узришь: будешь вновь,
Чѣмъ былъ онъ для тебя; и, земаю освѣщая,

Вы вѣснѣ, двѣ прекрасныя звѣзды

Взойдете выше горы и бѣды,

Взнесетесь выше всѣхъ искусствъ и прелъщеньй,

И человечества восторга полный геній

Въ немъ Кастора и Поллукса въ тебѣ

Благословишь. Тогда — какъ! вашей я судьбѣ

Возрадуюсь тогда и примирюсь съ собою:

Быль можете, свой обманъ тогда прощу себѣ.

В е с н о в ь.

О Лидія! что ты творишь со мною?

Какъ надо мною ты, волшебница, сильна!

(Входяще Ижорскій и Шинимора и останавливаются въ дверяхъ, незамѣчаемые Весновымъ и Лидією).

У ногъ твоихъ кланусь: (бросается на колѣни) тебѣ посвящена

Опыты жизни мой; твоимъ орудемъ буду:

Тебѣ послѣдую во всемъ, тебѣ повсюду

И ж о р с к і й (высунувъ впередъ.)

Что вижу я? нашъ Грандисонъ каковъ!

Что это значитъ, господинъ Весновъ?

Что это, госпожа Веснова, —

Или, какъ васъ прикажете назвать?

В е с н о в ь (вскочившій.)

Ижорскій, васъ прошу — ни слова!

И ж о р с к і й.

Не вы ль меня заставили молчать?

Ужъ это чрезъ чуръ забавно!

И на сей разъ

Ослушаться осмѣюсь васъ

Да! жизнь свою ты начинаешь славно,

Ты, на груди моей согрѣвая змѣя!

Но къ сердцу своему тебя приблизить я,
А ты — вѣдь человекъ, и было бы очень чудно,
Когда бы на досугъ, въ минуты
Ты не придумалъ, какъ расшоргнуть сердце мнѣ!

В е с н о в ъ.

Предъ вами оправдаться мнѣ не трудно.

И ж о р с к і й.

О вѣрю! чѣмъ же трудно для тебя?

Ты мальчикъ хоть куда краснорѣчивый;

Но не оправдывай себя:

Не такъ ли? я Dandin ротаный и счастливый (*)!

За вкусъ свой похвалишь позволивше васъ, Княжна;

За соображанье къ малолѣтнимъ; впрочемъ

Надъ вашей хитросплетью не много похочемъ:

Ужъ слишкомъ романтически она

Придумана, ужъ слишкомъ мудрена!

Ее и въ глухой не доуспеешь сказать.

Вѣжамъ отъ жениха въ любовнику — и въ маскѣ

Въ чехмечѣ Казачька положимъ: но опять

Явнѣе для всего и эпю какъ поимать?

В е с н о в ъ.

И ж о р с к і й, на меня въ желчь свою излейте:

Отъ васъ я все рѣшился перенести.

Но если дорога вамъ честь,

Княжну вы оскорблять не смѣйте?

И ж о р с к і й.

Мнѣ, мнѣ грозить, обманщикъ подлый, ны?

Нѣтъ, яспити своей не удержу я долтъ!

Рука ли у меня ошнала? я ль въ неволѣ?

Нилъ, обильный мракомъ слѣпоты

Я къ сердцу своему не обрѣну дороги?

(*) Dandin cocu; battu et content.

Знай: лваины улизвал среди его берлоги;

Умри! (Бросается съ кинжаломъ на Веснова).

Л и д и я.

Весновъ! Ижорскій!

(Хочешь защищивъ собою Веснова).

Ш и ш и м о р а (удерживаетъ се).

Стой!

Судьбы не опиваивши: година роковая!

(Ижорскій закалываетъ Веснова).

В е с н о в ъ.

Все кончено: я расстаюсь съ тобой!

Сказанъ могу же нынѣ, умирая:

Тебя любить я чистую душой.

Ты ошь меня желала пияжкой жертвы,

Но жертву я принесть: шавль свою любовь,

Служилъ твоей любви къ другому . . . Спьянешь кровь;

Темно . . . васъ примирю ль по крайней мѣрѣ жертвѣй?

Ижорскій, да! тебя я предпочелъ себѣ;

Хотѣлъ, — но не угодно мнѣ судьбѣ.

Языкъ ошажелѣлъ; какалъ тѣмъ гусна! —

Спасайся! . . . (Умираетъ; Лидя лижетъся чувствъ.)

И ж о р с к і й.

Что сказалъ ошь, Демонъ? издыхая,

Ошь что сказалъ? «тебя я предпочелъ себѣ?»

Что это? что?

Ш и ш и м о р а

Вотъ время ты шавель

Распиривавъ! Не шоронься: узнаешь!

Но буде ты шеперь пошаснешь не жадаешь,

Хорошь его послѣдній былъ совѣтъ:

Людей еще покуда нынѣ,

Спасайся! — Ведашь я, что будешь твоей принадокъ

Не слабъ, и воть къ крыльцу велѣлъ повесить лошадокъ

На всякій случай . . . Что споймишь ты? смотришь что?
Да, точно такъ! ее возьмемъ съ собою:
Но скоро васъ увидишь кто,
Обоихъ васъ плащемъ своимъ покрою.

(Выноситъ Андю и насильно выводитъ Ижорскаго.)

Я В Л Е Н І Е 3.

(Спешь. Ижорскій, Шинимора, Андя — спитъ.)

И ж о р с к і й.

Моемъ безпамяτισвомъ воспользовался ты;
Ее съ собою взять; на что намъ это бремя?

Ш и н и м о р а.

Вы, люди, странное, смѣшное, право! племя:
Что часъ, — мнящие желанья и мечты.

Ушла, — и ты бѣсился; нѣтъ

Одна, въ твоихъ рукахъ, безъ помощи, въ пустынь;

Я думаю, ты меня похвалишь, скажешь: хванъ!

Ни шумъ - то было, нѣтъ! все я же виновать.

И ж о р с к і й.

Злой духъ, довольно преслушеній:

Ихъ новыми умножишь не хочу.

Ш и н и м о р а.

Ты только лѣзишь на спусень съ спусени,

Но вопъ взберись совсѣмъ на каланчу

Увидишь самъ

И ж о р с к і й.

Ужасный искуситель!

Чего еще желаешь? я губишься;

Убийца подлый я :

Не въ поединкѣ, въ битвѣ равной
Противника сразила мечь моя:
Нынь, въ безоружнаго вонзилъ я ножъ безодавной!

Ш и ш и м о г а .

Ха ! ха ! ха ! ха ! ны шутъ забавной !
Тебѣ прискорбно то ,
Что ны не въ силу вашихъ правилъ ,
« Какъ убивашъ людей , » убилъ Веснова , что
Тебя я опъ хлопотъ избавилъ
« Зачѣмъ при эпкомъ не былъ , » де « никто
Изъ забіякъ задорныхъ ,
Опсепавленныхъ за буйство , въ фракахъ черныхъ
Въ усахъ , въ венгеркахъ , длинныхъ , словно шесль ,
Сухихъ ? . . . » Но описанье надѣсьтъ ;
И сами скуку и шокъ наводяшь ;

Ихъ знаешь : въ шулерахъ друзей себѣ находятъ ;

Чтобы понятьъ , поесь

Такъ называемая *гестъ*

Для нихъ единственное средство ;
Два исполена гербъ ихъ и наследство :
Двухъ молодыхъ глупцевъ ихъ дѣло свесить ,
Зарядъ повѣринь ,
Шаги опмѣринь ,

И выпрыла дождашся ; а попомъ
Подробно , съ разсепановкой за сепомомъ
Разсказывать , какъ все происходило ,

Какъ благородно , мило

И слѣдуя всемъ правиламъ , дуракъ

Другаго дурака опправиль въ вѣчный мракъ .

Благодаришь меня ны долженъ бы , чудаць ,

Что ны извелъ врага безъ дальнихъ объясненій ,

Безъ энихъ скучныхъ всехъ приготовлений ,

Переговоры, письма, похищенныя

Вышербченныхъ заблуждѣній,

Которые тебѣ враждебны бы надобны,

Тебя бы волокли къ тому же, къ той же цели,

Да только цѣлыя недѣли!

И жорскій.

Что съ нею дѣлать мнѣ? — Такъ: я неколебимъ;

Такъ, знаю: все они погашенныя гробы,

Все исполнены предательства и злобы

И никогда ни въ чемъ ужъ не поверю имъ

Но признаюсь, въ ниспущенныя увѣренья,

Что изъ любви ко мнѣ, для моего спасенья

Переодѣлась, что Висновъ,

Собою жертвуя, ей помогать, не боюсь . . .

Такия басни для однихъ глупцовъ, . . .

Но, признаюсь, меня смущающъ по неволѣ;

А чаще бесѣда, — любовь у ней какова?

Чтобъ я вдался въ обманъ, надежды не теряю!

И? сумасшедшимъ ли она меня считала?

Къ тому же эти слезы? Сверхъ того

И для побѣга моего

Она тяжелая помѣха

Чему смѣешься ты? мнѣ, право! не до смѣха.

Шпиглера.

Какъ не смѣяться шушь? ты чудный человекъ:

А развѣ мало рыкъ,

Въ конюшню се ты могъ давнымъ давно бы? . . .

Ты жъ знаешь: *все они погашенныя гробы,*

Все исполнены предательства и злобы;

Такъ, что же и жалѣнь? Или когда въ тебѣ

Ужъ нѣтъ довольно мужества и силы

Чтобъ самому раскрыть ей дверь могилы,

Такъ предоставь ее судьбѣ;
Брось Ариадну здѣсь — и будешь ты Озесемъ!

И ж о р с к і й.

Мнѣ ль совершеннымъ быть злодѣемъ?

Ш и ш и м о р а.

Бышь совершеннымъ; братъ, довольно мудрено

И потому-то, знай, оно

Всегда, во всемъ поученія достойно.

И ж о р с к і й (глядя на Лидію.)

Какъ спитъ она и сладко и спокойно!

Ш и ш и м о р а.

Тѣмъ лучше для нее и даже и для насъ!

Пока еще не опиворилъ глазъ,

Пойдемъ, прими советъ полезный,

Пойдемъ — и разомъ съ плечъ долой.

(И ж о р с к і й медлитъ.)

А н ѣ, шепотъ сказать я долженъ, другъ любезный;

Ты молодецъ съ горячей головой;

Мнѣ не предвидѣль всякаго мгновенія:

Еще, быть можетъ, собиравшей рукой

Оно бѣ и ничего: но скучны поученія,

Упреки скучны мнѣ, которыми всякій разъ

Внимаю въ свидѣніе своихъ проказъ,

Такъ лучше удались отъ преніковенія:

Мнѣ дорогъ до того покой,

Чѣмъ даже я забыть бѣсовъ обыкновенія:

Тебя не искушаю, мой герой:

Напрошивъ предвараю пресупленія.

(И ж о р с к і й поспѣшно уходитъ.)

Идешь, бежишь поспѣй!

Подѣиснивало! — нужно жъ было,

Ихъ было разлучить пора;

Она опасна намъ : ужъ началъ онъ уныло
Смотрѣть , вздыхать . — Штъ ! штъ ! не вышло бы добра
И эти самыя , всегдашнія нападки
На человѣчество , на міръ и на нее . . .

Да ! подтверждающъ мнѣніе мое ,
Что правила его ужъ очень спали шанки ,

Что голосъ сердца крикомъ заглушишь
Едва ужъ можешь онъ пора его сгубить !

Тебѣ я , безнадежность , призываю ,

Опечаленье , тебя зову !

Тебѣ его , какъ жершву , посвящаю :

Созрѣлъ — и богоборную главу

Пусть сокрушишь въ нексновѣствѣ о камень !

Схвати безумца , смерти души ! схвати

Преступника жѣлезными копылами

И сринь его въ неугасимый пламень !

(Уходящъ , солнце садится ; при послѣднихъ его лучахъ начинаеи
ся инхалъ , шоржествѣнная музыка : являеиъ Титанія и спановитъ
ся въ головахъ Лидіи.)

Титанія.

Пронеслися испытанья ;

Спану и раскирю дланя ,

И спрадалицу младую

Сномъ чудеснымъ , мирнымъ сномъ ,

Непробуднымъ очарую.

(Ведеть рукой.)

Розы , вспыхните кругомъ !

(Кусны розъ распускаются вокругъ Лидіи.)

Вы , древа , къ ей зацѣпите

Вѣтви темныя просириите !

(Древа поднимаются изъ подъ земли и освѣщаютъ Лидію.)

Ты заной въ ночи въпвей ,

Сладкогласный соловей !

(Слышно пѣнье соловья.)

Мимо прожурчи, ручей!

(Являеся ручей.)

Пусть пивой тихій, тихій шопотъ,

Заглушая стѣны и ропотъ

Унесешь съ собою въ даль

Дѣвы слезы и печаль!

(Темнѣетъ; музыка.)

Пиръ гонимъ благоуханій,

Звуковъ пиръ и пиръ мечпаній:

Да почишь, возлещая

Въ вѣщанъ снѣ въ жилища рай,

Да почишь адѣсь, доколя

Ангель не слѣпнись ошпольт!

Ангель шопъ пушеводитиель

Вознесень ес въ обшнелъ,

Гдѣ безъ прихвѣи блаженство,

Вѣчный свѣтъ и совершенство!

(Спало совсѣмъ темно; Типаніи пронадаетъ въ мракъ: музыка продолжается все тише и тише; восходитъ луна и озаряетъ спящую Андию.)

Я В Л Е Н І Е А.

(Взморіе, унесы; полночь. Бука на свиснувшей надъ водой скаль.)

Б у к а.

Расширь сопканныя изъ молній крыла,

Одѣнь въ пожары темную лазурь;

Дохни, задуй полночныя свѣтнла;

Взволнуй пучину неба, Демонъ бурь?

Демонъ воздуха (въ вышнѣ.)

Разыграюсь подъ шаптромъ

Безиредѣльнаго ээпра;

Вихремъ гряну, брошу громъ;
Вздрыгнувъ основаннѣ міра.

(Начинается гроза и буря.)

Б у к а.

Ревѣ, ревѣ, власнишель водъ шумящихъ,
Противъ твердыни черныхъ, дикихъ скалъ
На приступъ усремляй за валомъ валъ!
Въ ушломъ гулъ гласовъ ихъ сшесящихъ
Пусь слышнися послѣдній, смерный стонъ;
Пусь въ искрахъ моря взгляды послѣдній блещеть,
И пусь убійца узрѣть и вспрепещеть
И съ ужаса пусь обезумѣть онъ!

Д е м о н ъ м о р я (вздыхая изъ волны).

На приступъ, на приступъ! бѣгнѣте, валы!
Главы воздымайте огромныя, бѣлыя;
Дружнѣе, впередъ, мои ратники свѣлые!
Подвойте подможье кремнистой скалы.

(Начинается волненіе).

Б у к а.

О Царь подземной тѣмы! и ны внемли:
Схвати, подвинь снопы безмолвной бездны;
Пусь съ шрескомъ ложнѣтъ скорлупа земли,
Пусь въ мракъ могильный свѣтъ проникнѣтъ звѣздный,
И пусь Суда проникнѣтъ грозный свѣтъ
Съ нимъ вмѣстѣ въ мракъ дрожащаго злодѣя,
Пусь онъ воскликнѣтъ: « мнѣ спасенія нѣтъ! »
И въ бездну прлянѣтъ, члѣнѣтъ.

Д е м о н ъ з е м л и (высовывая огромную голову изъ пропасти.)

Съ роковыхъ твоихъ словъ
Среди тѣмы я проснулся;
И едва я коснулся

Адамантиныхъ сполновъ :

Весь мой домъ пошатнулся ;

И ногой едва топнулъ ,

Рухлый храмъ земли лопнулъ .

(Погружася ; земля тряслася .)

Бука (смотря въ даль .)

Онъ ! онъ идетъ , самимъ собой гонимый

И черный ангелъ съ нимъ ; и въ чашу ядъ

Ужъ налилъ свой огонь неугасимый :

Его намъ предаль рокъ неумолимый ;

Испьетъ преступникъ неспасительный ядъ .

(Нечестна Бука ; на противоположный унесъ выходилъ Ижорскій и Шипшора .)

Ижорскій .

Природа въ судорожномъ припадкѣ ?

По черной пещерѣ мчился громъ ;

Кивнулъ едой утесъ чужой ;

Земли тряслася въ лихорадкѣ .

Но жажду слышать прескъ и шумъ :

Пускъ шумъ и прескъ и завыванья

Поглощая чувства мои и думъ

Неукротимыя зыванья !

Нѣтъ ! не воню , Веснова кровь !

Нѣтъ ! не воздвигнется мой волосъ :

Напрасно къ небу вновь и вновь

Вознесишь испепеленный свой голосъ .

Меня ль лишишь ума и силъ ? —

Тебя ль услышитъ Богъ-Каратель ?

Я — сердце черное пронзилъ ,

Да ! — мерзостный погубъ предашь .

Была ужасна жизнь моя :

Съ начала жертва , — шумъ губитель . . .

Но пусть! — Не содрogaюсь: я
Быль правой казни совершишель.
Так смолкни жъ, любуя шоска!
Молчи, запихни, — заклинаю!
Или не слышишь, чю вѣщаю?
Изъѣвнику моя рука,
Злодѣю должное воздала,
Врагу воздалъ я мздой кикжала!
Заснише жъ, спите! — но — уки!
Вы не умолкнете воевки,
Воевки не умрете вы,
Безумной совѣсти упреси!
Не я ль покинулъ и ее,
Въ безплодной, горестной пущинѣ?
Быть можете, ужъ погибла нинѣ
Скончала въ мукахъ быннѣ;
И члены сладостнаго шѣла —
Волще щедроша неба ихъ
Въ красу роскошную одѣла —
Исплѣютъ средъ песковъ сухихъ,
Или же будетъ имъ гробница
Зовущая своихъ дѣтей
Голоднымъ воемъ изъ сщевей
На брашно страшное волчица!
Прочь, прочь, призраки! прочь, позоръ,
Раздравшій сердце, шмяцѣй душу!
Прочь! — Суешные сны разрушу;
Ихъ свѣетъ мой отважный взоръ.
Ты свѣтъ зажги мнѣ въ шѣмъ сомнѣнѣй,
Ты днесъ мнѣ испику скажи,
Ты, мрачный рабъ мой, Демонъ лжи,
Ты, древнѣй хульпикъ, чернѣй гений!
Тебѣ я силою кольца

И властью, взятой надъ побою
И спрашнымъ именемъ Творца
Повелѣваю: предо мною
Мои всѣ пайны обнажи;
Мнѣ нынѣ истину скажи:
Я грозный ли, но правый мещинель?
Или несповный губинель?
Вѣдай, поведай, Демонъ лжи!

Ш и ш и м о р а .

Глаголомъ шой трубы спенящей,
Которая въ концѣ вѣковъ
Воздвигнешь пруги изъ гробовъ,
Глаголомъ казни вѣчно мещиней
Вещанъ тебѣ подлемуясь я:
Ничтожный смершнй, неоржествую!
Такъ, молвлю правду роковую —
И въ мигъ умреть душа швод;
Заклятиемъ швоимъ патненный,
Я, благоспи лютейшій врагъ,
Я молвлю: « онъ, шбой сраженный,
Онъ вѣренъ былъ, и чиснъ, и благъ!»
Кругомъ его души ходилъ я,
Высмапривалъ, какъ жадный звѣрь,
Но, — дроспи моеи повѣрь, —
Не находилъ, за чшобы могъ
Схватшнть его, потряснть и сдвиунть
И въ бездну за шбою сринуть.
Разрушилъ дивный шъ чернотъ,
Ты храмъ сломилъ, злодѣй кровавый,
Гдѣ духъ жилъ созданный для славы,
Для ушѣшенія земли.
Терзайся, рвнелъ и висмилъ:

Какъ некогда Алкидъ могущій,
 Младенецъ, змѣя задушилъ,
 Такъ шочно онъ, Алкидъ грядущій,
 Исполненъ благородныхъ силъ,
 Свое же сердце победилъ;
 Души желанье, спрасишь живую,
 Расцвѣвшихъ, первыхъ чувствъ воспорги
 Онъ, раздирая грудь младую,
 Для друга, для себя испорги;
 Тебя слѣпецъ великодушный
 Приносомъ счастья своего
 Спасши хотѣлъ; но ты, послушный
 Злорѣчью сердца своего,
 Ты, алчный ницъ, пожралъ его.
 Клянусь твоею слѣпою,
 Клянусь бездонной, вѣтной тьмою,
 Грядущимъ жребіемъ твоимъ,
 Клянусь презрѣніемъ моимъ
 И яростной къ тебѣ враждою
 Клянусь, клянусь, клянуса *Или*,
 Кого названъ я не дерзаю,
 Клянуса: истину вѣщаю.

* * *

Терзайся, рвися и внемли!
 Людей безумны, слѣпы чувствва,
 Смысли воспорги чадъ земли;
 Но безъ припрорства, безъ искуства,
 Забывъ и міръ весь и себя,
 Любила Лидія тебя.

А ты — свирѣпый огонь Эрева
 Твоя бунтующая кровь:
 Нѣтъ! ты не вѣруешь въ любовь;
 Ты сынъ проклятія и гнѣва:

Смрадъ изъ души швоей возникъ ,
Изъ гроба чувшивъ швоихъ гниющихъ , —
И мглой зловоній, смерть несущихъ
Прекрасный осквернился ликъ
Ее, безжалостный и холодный ,
Ты расперзалъ , какъ волкъ не гладный ,
Но жаждущій убійствъ однихъ
И бросилъ средь снѣпей глутихъ.
Клянусь швоею сѣпопою ,
Клянусь бездонпой , вѣчной шьмою ,
Грядущимъ жребіемъ швоимъ ,
Клянусь презрѣніемъ моимъ
И яросной къ тебѣ враждою ,
Клянусь , клянусь , клянуса *Имъ* ,
Кого названъ я не дерзаю ,
Клянуса : истину вѣщаю !

Терзайся , рвися и внемли !
Ты призванъ былъ въ свѣтло міру ,
Былъ созданъ солю быль земли :
Но самъ раздралъ свою порфиру ,
Съ главы вѣнецъ свой сорвалъ самъ ,
Державу сокрушилъ злую .
И бросилъ часть свою свиную
На оскверненіе , въ жернову псамъ .
Ты волю буйнымъ далъ мечпашъ ,
Межу ны сдвинулъ роковую
И такъ въ спрощивомъ сердцѣ рекъ :
« Да будешь Богомъ человекъ ! »
Но человека человекомъ
Вездѣ , всегда ны обрѣшалъ ;
Тогда неистовымъ упрекомъ

На сына праха ты возсѣла
 И бѣсовъ смершнаго назвала.
 Но я пвоєю слѣпою,
 Но я бездонной, вѣчной тѣмою,
 Градущимъ жребіемъ пвоимъ,
 Но я презрѣнїемъ моимъ
 И вѣчною къ тебѣ враждою
 Клянусь, но я клянуся *Имъ*,
 Кого назвала я не дерзаю,
 Тебѣ клянуся и вѣщаю:
 Не безпорочный сынъ небесъ
 Могуцій, чистый, совершенный,
 Не сынъ же бездны — явьшь! не бѣсъ
 Земнаго міра госнѣ мгновенный.
 И се — неисцѣлимый лѣтъ
 Въ пвою раздавленную душу
 Волю — и съ хохотомъ обрушу,
 Безумецъ, на тебѣ весь гадъ:
 Ты червь презрѣнный, подлый адъ,
 Своєю дерзостью надменной
 Ты спала въ посмѣшницѣ бѣсовъ
 И въ мерзость обласни священной
 Блаженныхъ, радосныхъ духовъ!

(Послѣ прѣтыго: «терзайся, рея и внемли», Шинимора начинаетъ превращаться въ огромное, ужасное чудовище; при послѣднемъ сплхѣ онъ возростъ до того, что головой заслонилъ выглнувшую между нѣмъ изъ за шучъ луку, а голосъ задушилъ громы. Ижорскій безъ чувствъ падаетъ подъ скалу; являюся Бука и Кикимора, также роспу исполнискаго).

К И К И М О Р А (смотря въ вышь).

Лежишь безъ жизни подъ скалою:
 Онъ жизнь въ опчаиы скончалъ;
 Клевреть, смирясь предъ тобою,
 Я предъ тобою слабъ и малъ.

Б у к л а .

Такъ, онъ безъ жизни подъ скалою :

Доволенъ, Демонъ, я шобою ;

Ты, спушавъ сѣнью грѣха,

Стубиль безумца.

Ш и к и м о р а .

Ха ! ха ! ха !

(Гуль повторяетъ хохотъ бѣсовъ : громы гремятъ : вдругъ необычайный блескъ, перуть падаютъ передъ бѣсами и имъ предсидишь Добрый Духъ.)

Д о в р ы й Д у х ъ .

Ты поржесивуешь, племя ада ;

Но Богъ предложитъ смѣхъ живой въ сномъ :

Не любилъ такъ родилель чада,

Какъ человека любилъ Онъ.

Святой руки Своей создашь

Вамъ дастъ ли Онъ на поруганье ?

Онъ ? Онъ и червя слышитъ гласъ,

Судьбину и былинки мѣритъ ;

Кто жъ смѣешь молвить, кто жъ повѣритъ,

Чтобъ сотворилъ Благій для васъ

Того , кому моря и сушу,

Огонь и воздухъ покорилъ,

Того , въ кого живу ю душу

Свое подобіе вложилъ ?

К и к и м о р а .

Не вѣришь ? ну съ ! нужды намъ мало ;

Да лишь бы дѣло было такъ .

Взгляни : дыханья въ немъ не снало :

Его сковалъ могильный мракъ .

Онъ былъ при жизни нашей жертвой :

У насъ опилился ли мертвой ?

Добрый Духъ.

Да будешь же, безумцы, вамъ
Предъ небомъ и предъ бездною срамъ!
Сирадалецъ, вами возведенный
На шема дерзновенныхъ скаль,
Всѣхъ чувствъ опъ ужаса лишенный
Не самъ съ нихъ бросился, а палъ;
И посему вамъ возвѣщаю:
Онъ сокрушенъ, но зрите, живъ,
Раскаянъ не пущь ли къ раю?
Господь и святъ и справедливъ.

Б у к л а.

Раскаянъ? Оно ли въ силахъ,
Судьбой разорванную нить
Связать и сплести въ жгучахъ
Погибшихъ пруты воскресить?

Добрый Духъ.

Блаженъ невинно убиенный:
Земли онъ не желаетъ вновь;
Онъ тамъ, гдѣ свѣтъ неизрѣченный,
Гдѣ неисчерпная любовь.
За душу жъ скорбнаго убійцы,
Дрожащаго полночной тѣмы,
Бѣгущаго лучей денницы
Господню благость молимъ мы,
И се Господь ему сираданья
И долгій посылаетъ вѣкъ
И се въ горнилахъ испытанья
Спасенъ грѣшный человекъ.

Ш и ш к о р а.

Нѣтъ! Нѣтъ! я своего сплечаю,
Повѣрь, не выпущу изъ рукъ:

Ударю, плоть его разрушу
И съ смѣхомъ спонущую душу
Въ адъ увлеку, въ жилище мукъ.

(Хочешь бросишься на Ижорскаго).

Д О Б Р Ы Й Д У Х ъ .

Стой, врагъ! во имя Пресвятаго
Тебѣ повелѣваю: стой!

Опиныи средь песка морскаго

Вздымайся черною скалой!

(Шиншмора превращается въ утѣсь).

Вы, зримель, вы, его клеверелы,

Что ваша буйная борьба,

Что ваши гордые навѣты?

Васъ да спранииы его судьба!

(Бука и Кикимора обращаются въ бѣгство).

Бѣжите, полные боязни:

Но васъ доснигнунъ громы казни.

(Между тѣмъ буря прошла; солнце восходитъ. Добрый Духъ исчезъ, сливаясь съ его лучами. Запавъсь опускается).

О П Е Ч А Т К И.

Стран. Строка.		<i>напечатано</i>	<i>читай.</i>
45	— 13	Ихъ	Иль
20	— 10	влюблены	не влюблены
33	— 10	Вы Саламандры	Вы, Саламандры —
37	— 20	Ижорский.	Кикимора.
	21	Такъ я.	Такъ, я.
39	— 29	Не быть	Но быть
42	— 11	Но	Не
48	— 13	Кикимора.	Хоръ Русалокъ.
53	— 8	натолку;	натолку;
65	— 29	два	два
76	— 3	глушающий	глушащій
79	— 27	сожалѣю	жалѣю
94	— 26	со всюду	отъ всюду
107	— 19	сколь	сколько

Издатели просят исправить въ книгѣ слѣдующія опечатки, ибо нѣкоторыя изъ нихъ довольно важны и затемняютъ смыслъ.

Продается въ Санктпетербургѣ,
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Цѣна 5 рублей;
съ пересылкою 6 рублей.